

Владимир Уланов

Искушение

Часть первая

Начало

1

В мае дни стояли солнечные, тёплые. Деревья зазеленели свежей изумрудной листвой. Молодые берёзки во дворе Кремля опушились, стояли нарядные. Вершины их тянулись к без — донному голубому небу, а ветви, как девичьи косы, опускались почти до земли. Еще клейкие листочки трепетали на легком ветерке.

Григорий Отрепьев стоял у раскрытого окна, задумчиво разглядывая деревья: белоствольные, стройные, своей красотой, свежестью и трепетом напоминали они ему невест. Он улыбнулся, подумал: «Будто моя Марина. Так же красивы и величавы».

Настал день, которого он очень долго ждал. Завтра Марина Мнишек станет его женой. Больше года уже прошло после их обручения, и даже тогда, когда он бросил к её ногам целое царство, она не торопилась за него замуж. Вела себя очень капризно, постоянно требовала от него подарков;

даже получение в удел Псковских и Новгородских земель, вместе с думными людьми, дворянами, духовенством, с пригородами и сёлами, не устраивало ее.

Но и это было ещё не всё. За год Григорий должен был перевести всю православную Россию в католическую веру. Если же он нарушит свое обещание, Марина вправе будет развестись с ним и вновь выйти замуж. При этом земли, пожалованные им, и доходы с них сохраняются за ней. Совершенно потеряв голову из-за любви к этой женщине, он, надеясь неизвестно на что, обещал повысить в чинах родственников своей невесты. В прошлом Григорий Отрепьев, а ныне царь всея Руси Дмитрий Иванович — самодержец Российский, уже просто озолотил всех родственников Марины, а они всё требовали и требовали от него подарков, должностей и земельных угодий. Юрий Мнишек, отец Марины, и вся шляхта вели себя дерзко не только на улицах Москвы, но даже с ним, с самодержцем, постоянно напоминая ему, что царём он стал с благословения польского короля Сигизмунда, от него он получил деньги на осуществление своего дерзкого плана. Вся эта нищая шляхта уже не на шутку надоела Григорию, в основном это были обнищавшие шляхтичи: много спеси — пустые карманы. Они с самой Польши сопровождали его и доставляли

немало беспокойства своей неудержимой разгульной жизнью, но от них некуда было деться, они были нужны ему. Нужна была опора, сила, которая бы помогла ему удержать власть. Василий Шуйский со своими сторонниками был ему не опора. Он понимал, что эти люди выжидают, когда покачнётся его власть, они хотят овладеть ею сами. Наблюдая исподтишка за боярами, особенно за Шуйскими, он видел, что те только притворяются покладистыми, замечал, как они переглядываются да шепчутся, кося на него недобрые взгляды. Всё он понимал, но сделать ничего не мог, и это беспокоило его, вгоняло в смятение и вселяло неуверенность. Ему не на кого было опереться, даже посоветоваться не с кем. Один — при всей своей власти. Надеялся, что, женившись на Марине Мнишек, он приобретёт не только жену, но, прежде всего, помощника и человека, который его поймёт, поможет приобрести уверенность.

В опочивальню, где находился государь, поскреблись. Дверь приоткрылась, показалась голова спальничего Алексея. Это был уже немолодой придворный, с густой копной рыжих вьющихся волос, со смышленным взглядом бегающих зелёных глаз. Он вопросительно смотрел на Отрепьева. Григорий повернулся. С виду он был неказист: малорослый, но широк в плечах, с сильными руками разной длины. На круглом лице

самозванца не росли ни усы, ни борода. Прямые светлые рыжеватые волосы, нос башмаком, на лице бородавки. Но за довольно отталки — вающей неказистой внешностью скрывалась страстная, власто — любимая натура.

Оторвавшись от своих размышлений, Отрепьев спросил:

— Что случилось?

— Да уж случилось, государь! Ваша невеста гневается, дочь Годунова, Ксению, потребовала к себе. Видно, тайна ваша раскрыта. Хочет знать, действительно ли вы, государь, сошлись с Ксенией и собираетесь якобы на ней жениться.

Григорий побледнел: «Наверно, сволочи бояре донесли Марине про тайную любовь с Ксенией! Не хватало мне ещё скандала до свадьбы!»

Отрепьев заметался по спальне, не зная, что предпринять; наконец, остановился как вкопанный, уставившись в раскрытое окно, присел на обитую парчой лавку, сказал:

— Позови-ка, Алексей, ко мне моего чернокнижника Михаила Алексеевича Молчанова.

— Слушаюсь, государь, — и спальничий исчез за дверью.

Григорий Отрепьев в досаде стукнул по столу кулаком, выругался:

— Вот сволочи эти Шуйские! Везде свой нос суют! Ну, погодите! Я ещё до вас доберусь!

Наконец, государь успокоился, задумался. Стал размышлять о Ксении Годуновой. После того как он захватил русский престол, Молчанов и Шаховской советовали ему сразу же отправить Ксению в монастырь, в Белозерово, к игуменье Матрене, но самозванец ту затею отверг и для себя решил, что эта девушка ему ещё сгодится по двум причинам. Прежде всего, он положил на неё глаз как на женщину. Ксения, действительно, была хороша. Белое холёное лицо, высокая грудь, глубокие голубые глаза, чёрные волнистые волосы, яркие чувственные губы возбуждали у самозванца страстное желание овладеть ею. Кроме того, в случае отказа Марины от замужества с ним это для него мог быть неплохой выбор. Всё зависело от обстоятельств. Поэтому Ксению он распорядился поселить у себя в палатах, велел установить за ней подобающий принцессе уход и не у — сыпный присмотр.

Пока Марина Мнишек ставила перед ним всякие условия, собираясь приехать с соответствующим императрице блеском в Россию, расстрига времени не терял. Однажды, в одну из весенних бессонных ночей, когда его терзали всякие мысли, что и как будет в его царствование на русском престоле, им овладела щемящая тоска, захотелось женского тепла, ласк. Тут-то он и вспомнил о Ксении. Расстрига встал, накинул на

себя персидский халат с плеча Годунова и направился в спальню Ксении. Стражнику, стоящему у дверей её спальни, он велел убраться и помалкивать. Не спеша, по-хозяйски, вошёл к девушке в опочивальню, где посередине стояла широкая кровать. На резном столике, помигивая, слабо горела восковая свеча. Девушка, раскинув руки, спала крепким сном. Из-под откинутого одеяла виднелись стройные обнажённые ножки молодой красавицы. Отрепьев потихоньку присел на кровать, не отрывая взгляда от ее ног, так волнующих его. Похотливая натура самозванца давала о себе знать. Всё тело его содрогнулось от волнения. В лицо прилила кровь, рука произвольно потянулась к обнажённой ноге. Он легонько и ласково погладил ее. Ресницы у девушки задрожали, она открыла глаза, резко подобрала под одеяло ноги. Отрепьев закрыл ей ладонью рот, не давая с испугу закричать.

— Молчи! — прошептал он дрожащим от волнения голосом и, не давая опомниться бедной девушке, сбросив с себя халат, юркнул к ней под одеяло. От неожиданности и с перепугу Ксения даже не сопротивлялась. Григорий молча стал насиловать девушку, наслаждаясь упругим телом, кусал полную грудь, облизывал ей всё лицо страстными поцелуями. Ксения вначале пыталась освободиться от жарких объятий самозванца, но

сильные руки распутника сдавили её тело так, что она чуть не задохнулась. Девушка заплакала навзрыд, потом утихла, лишь изредка всхлипывала, повинуюсь всем его извращённым желаниям. Григорий долго и страстно наслаждался безответной любовью и уже к утру, изрядно утомившись, тяжело дыша, отвалился от жертвы. Девушка лежала почти без чувств, боясь пошевелиться. Наконец, отлежавшись, самозванец молвил:

— Чтобы об этом не узнала ни одна душа, иначе упеку в монастырь или отдам шляхтичам на потеху.

Услышав эти слова, бедная девушка заплакала навзрыд, уткнувшись лицом в подушку. Плечи её сотрясались от рыданий. Самозванец жалостливо посмотрел на Ксению, погладил по воло- сам сильной рукой, зашептал:

— Не реви, милая! Никто тебя не обидит, если будешь умницей. — Потом, хохотнув, добавил: — Может, ещё и замуж тебя возьму, уж больно ты хороша девка, и сильно мне понравилась!

Ксения перестала плакать, удивленно посмотрела на своего нового поклонника, с сомнением произнесла:

— А как же Марина? Её-то, государь, куда денешь?

Григорий почесал затылок, загадочно

улыбнувшись, ответил:

— Будешь всегда при мне, а там видно будет.

Он наклонился и нежно поцеловал Ксению в губы. Запах её кожи, волос — всё возбуждало в нём страсть, и ему вновь и вновь хотелось обладать девушкой.

С той памятной ночи встречи в спальне у Ксении стали постоянными и наполненными пылкой страстью к молодой любовнице, которая смирилась, понимая, что для нее выбора нет. Казалось, она заслонила Марину Мнишек. Но полячка была особая женщина, хотя и очень уступала перед красотой Ксении. Худая, низкорослая, даже не красавица: крупный нос, тонкие губы, высокий лоб, негустые чёрные волосы спускались косою до самых колен. Но в этой небольшой по росту полячке было что-то такое, чего не имели многие московские красавицы. Она прекрасно ездила верхом, стреляла из лука. Это была страстная, увлекающаяся личность, от которой он, бабник, почти каждую ночь менявший женщин, был без ума. Он просто терял голову от нее. Марина была ему под стать — та же авантюрная натура, которую она унаследовала от отца своего.

Мнишеки всеми силами стремились породниться с ним. И хотя он, Григорий Отрепьев, озолотил их семейство, безмерно тратя царскую

казну, для достижения своей цели они готовы были уничтожить любую преграду. Поэтому Ксению надо было спасти.

В государство Московское Марина въезжала торжественно. Везли её на двенадцати белых конях, в карете, украшенной серебряным орлом, возницы были в парчовых одеждах, в чёрных лисьих шапках. В каждом селении жители встречали невесту хлебом-солью. В городах преподносили дорогие дары.

А в Москву Марину привезли в богатой колеснице, запряженной десятью пегими лошадьми, впереди шли триста гайдуков. Колесница остановилась в Кремле, у Девичьего монастыря. Невесту приняла мать царевича Дмитрия, признавшая в Отрепьеве своего сына. Марина осталась в монастыре, якобы учиться православному закону, поститься, но, вместо этого, Отрепьевым в монастырь были направлены польские повара и скоморохи. Марина брезговала русскими кушаньями, и ей хотелось веселиться.

Наконец, вчера ночью невеста вышла из монастыря и при свете двухсот факелов в колеснице переехала во дворец.

Теперь-то Григорий понимал, почему она это сделала, почему вдруг Марина решила так спешно переехать в Кремль. Сейчас ему надо было готовиться к свадьбе, предстояло много хлопот, и

вот теперь необходимо было что-то делать с Ксенией. Ох, как не хотелось с ней расставаться, её он хотел оставить при себе для тайных утех. Но Марина была не та женщина, чтобы ещё с кем-то делиться, она сама мечтала сесть на русский престол, и это было одним из условий Отрепьеву. И царствовать они должны будут вместе. Это не нравилось самозванцу, но делать нечего, он вынужден был согласиться.

Из размышлений его вывел приход Молчанова. Это был мужчина средних лет, темноволосый, с крупными чертами лица. Высокий лоб его и умные карие глаза говорили о незаурядных способностях этого человека. Сей муж был прекрасно образован, говорил по-польски, по латыни, разбирался в астрологии. У Григория во дворце он занимал должность астролога-чернокнижника. Активный сторонник Отрепьева, один из убийц Бориса Годунова, он был глазами, ушами и предсказателем самозванца.

Михаил Молчанов энергичной походкой вошел в спальню царя, поклонился, с улыбкой спросил:

— Что изволите, государь?

— Только что спальничий Алексей поведал мне, что Марина требует к себе на разговор Ксению Годунову, и я боюсь большого скандала. Сам знаешь горячность моей невесты, может произойти

всякое, вплоть до умерщвления бедной девушки. Что посо — етуешь, Михаил Алексеевич? — заглядывая в глаза чернокну — жнику, спросил самозванец.

Михаил на какое-то время задумался, затем походил по опочивальне царя, осматривая её блуждающим взглядом, присел на лавку рядом с самозванцем, молвил:

— Надобно немедленно отправить её в монастырь к игуменье Матрёне и постричь в монахини, как можно быстрее!

2

В ночь перед свадьбой царя-самозванца и Марины Мнишек заговорщики тайно собрались на московском подворье придворного интригана Василия Ивановича Шуйского, по прозвищу Шубник. Над Москвой опустилась глухая ночь. По небу ходили тёмные тучи, гонимые ветром с дождём. Крупные капли дождя барабанили по крыше и деревянным настилам. От порывов ветрагнулись и качались молодые берёзки, тревожно шелестели листвой. Вдруг в крошечной ночи жалобно завывала собака, её поддержали другие дворовые псы. Протяжный собачий вой тоскливо разносился в ночи по московским подворьям.

Собравшиеся переглянулись, некоторые

набожно перекрестились.

— Плохое знамение, — медленно, с особой старательностью крестясь, шепотом произнёс князь-воевода Иван Михайлович Воротынский, обращаясь к архиепископу Арсению, одетому в черную рясу с поблескивающим на груди большим золотым крестом, чинно восседавшему в креслице.

Арсений, сузив глаза, строго оглядел всех, погладил свою, почти до пояса, бороду, осенил присутствующих крестом, сказал:

— Господь даёт нам милость в низвержении антихриста и его помощников, нечестивцев-шляхтичей! Это плохое знамение самозванцу с его антихристкой нечестивицей Мариной. Что удумала сатаница! Вместо того чтобы поститься и Богу молиться, затеяла в Новодевичьем монастыре пляски скоморохов да дьявольские польские песни, а вместо поста ели жаренную на вертелах баранину. За эти деяния Господь их накажет!

Арсений снова перекрестился, шепча себе под нос: «Свят! Свят! Свят!»

— Это ещё что! Вчерась иезуит Каспар Савицкий со свитой шляхты верхом на коне въехали в церковь во время моления. Люди так возмутились, что чуть не порешили поляков. Стащили их с коней и повели топить в Москве-реке. Благодаря князю-воеводе Ивану

Ивановичу Курлятову, который оказался поблизости со стрельцами, освободили антихристов, — сообщил князь Скопин-Шуйский.

— Зачем же ты их освободил? — обратился архиепископ Арсений к князю Курлятову, находящемуся здесь же, дородному боярину с крупными чертами лица, с густыми рыжими бровями, окладистой седеющей бородой, с серыми, навывкат, глазами. Тот повернулся всем телом в сторону архиепископа, развёл руками, с сожалением сообщил:

— А что мне оставалось делать? Все меня там видели, и соглядатаи наверняка сообщили об этом царю. Если бы я не помог шляхтичам, то меня самого поволокли бы в приказную палату и сейчас бы уже пытали на дыбе.

— Это верно. Молчанов не упустил бы такой возможности. Он запытал бы тебя до смерти. Давно грозитя. Затаил на тебя злобу за то, что в смуту не пошел с ним убивать Бориса Годунова, — согласился с его доводами старец.

Тут вошел Василий Шуйский, степенно приблизился к архиепископу Арсению, поклонился ему в пояс, поцеловал сухую руку старца, попросил:

— Благослови нас, отец, на святое дело!

Арсений троекратно осенил крестом князя, торжественно сказал:

— Благословляю вас, сыны мои, на святой подвиг! Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!

Василий ещё раз приложился к руке архиепископа, затем, оглядев всех присутствующих, пригласил их, показывая в сторону палаты, где были накрыты столы и суетились слуги.

— Проходите, милостивые государи, откушайте снеди, попейте ядрёных медов, они у меня нынче удались на славу.

Гости, разговаривая вполголоса о чём-то меж собой, видимо, обсуждая последние события в Москве, вошли в розовую палату, украшенную и расписанную орнаментами из цветов и картинами со сценами охоты. Столы ломились от закусок, яств, вин и шипучих медов.

Во главе стола Шуйский посадил архиепископа Арсения, по правую руку старца сел сам. Рядом уселись его молодой племянник Скопин-Шуйский, Иван Иванович Шуйский, Иван Никитович Романов, Иван Михайлович Воротынский. По левую руку восседали: Алексей Гаврилович Долгорукий, Иван Иванович Голицын, Иван Михайлович Пушкин.

Когда все чинно уселись за столом, архиепископ Арсений произнёс:

— Вы знаете, зачем мы здесь собрались; надобно, мужи, решать, как нам жить дальше!

Сколько мы будем терпеть на троне государя нашего антихриста? Свят! Свят! — Старец вновь перекрестился. — И эта антихристка полячка норовит тоже на трон рядом с самозванцем сесть, править хочет! А знаете ли вы, что поляки от самозванца требуют? Чтобы через год всё Российское государство, и мы с вами, стали католиками, чтобы все православные церкви закрыть или обратить в католические! Допустим ли мы уничтожение православия на Руси? Дальше, государи мои, терпеть нельзя, надо убирать польского ставленника! — призвал всех архиепископ, заканчивая свою речь.

Присутствующие заговорили, завозмущались, выкрикивая проклятия в адрес новоявленной царской четы. Когда все немного утомонились, заговорил Василий Шуйский:

— Вот что, бояре, надо нам вместе взяться за это дело. Сейчас, после свадьбы, все шляхтичи загуляют, ближние самозванца Дмитрия будут проводить время в увеселениях и, конечно, потеряют бдительность. Надобно нам пошибче мутить чернь. Говорить, что шляхтичи — антихристы и скоро всех русских заставят молиться антихристу, что награбили они много богатств и нужно бы погромить поляков и всех их приспешников. Мол, пусть поделятся с православными, а кто не захочет делиться, тот

антихрист, их надобно топить в Москве-реке. Повсеместно народу говорить, что на троне сидят самозванец с самозванкой-полячкой, что они приспешники сатаны. И, обратившись к архиепископу Арсению, молвил:

— Церкви нужно тоже порадеть за правое дело. Во всех церквях читать анафему польским самозванцам, царю и царице!

Старец, стукнув посохом об пол, твёрдо сказал:

— Будут прокляты самозванцы и всё их воинство!

Затем встал и торжественно произнёс:

— Как только самозванца уничтожим, предлагаю собирать народ на Соборной площади Кремля и выкрикнуть Василия Ивановича Шуйского царём нашего государства Российского. Ибо государство не может существовать без управления, и я думаю, что он управится с таким делом! Старец встал, медленно подошёл к Шуйскому, троекратно его расцеловал, осенив крестом:

— Благословляю тебя, боярин, на подвиг и тяжкий труд в такое смутное для России время! Тяжёлый крест тебе, Василий, предстоит нести, но мы все тебе будем помощниками.

Арсений, расчувствовавшись, смахнул слезу, отошёл в сторону, затем присел на своё место.

Князья стали подходить к новоявленному царю, тоекратно целовать его, говорить ободряющие слова и пожелания, а Иван Иванович Голицын воскликнул:

— Ох, большую ношу берёшь на себя, Василий! Управишься ли?

— Управлюсь, если помогать будете, — уверенно парировал Шуйский.

— Будем тебе верными помощниками! За веру нашу и государство Российское не пожалеем живота своего! — выкрикивали бояре вразнобой.

* * *

Свадьба состоялась на восьмое мая под пятницу. День выдался пасмурный, моросил мелкий холодный дождь. Серые облака низко проплывали над Кремлём. Улицы были пустынные. Дороги все развезло, стояли огромные лужи, перемешанные с грязью и конским помётом. Чёрные вороны, нахохлившись, огромной стаей сидели почти на всех деревьях Кремлёвского двора. Бояре, князья и воеводы, приглашённые на свадьбу, увидев такую картину, набожно крестились, переговариваясь меж собой:

— Ох, не к добру всё это! Ох, не к добру! Плохое знамение!

Молодых провели в столовую палату Кремля,

и придворный священник в присутствии всей русской и польской знати торжественно начал венчание.

Русские бояре, стоящие особняком от шляхтичей, возмущённо перешептывались между собой.

— Даже свадьбу и ту по-человечески провести не могут, — сказал князь Романов на ухо боярину Воротынскому.

— Всегда на Руси венчание проходит в церкви, а о царях и говорить нечего! Все наши православные каноны нарушили, — ответил князь Иван Михайлович.

Марина Мнишек была в русском красном бархатном платье с широкими рукавами и в сафьяновых сапогах, на голове ее сиял драгоценный венец. И как только венчание закончилось, Марина бесцеремонно удалилась в опочивальню, потребовала к себе слуг, скинула русское платье со словами:

— Снимите с меня это тряпье и уберите его с глаз долой!

Быстро переделась в польские наряды и явилась в Грановитую палату, чем еще больше вызвала пересуды у русской знати.

Удивлению и изумлению бояр не было конца; они возмущённо перешептывались, крестясь, тихо восклицали:

— Вот антихристы дык антихристы! Хряста на них нет!

А когда перешли в Грановитую палату, тут и вовсе возмутились, когда увидели два престола: один для Марины, а другой для самозванца. Василий Шуйский, торжественно взяв за руку новоявленную царицу, ехидно улыбаясь в бороду, с наигранным пафосом произнёс:

— Наияснейшая великая государыня! Цесаревна Мария Юрьевна! Волею Божьей и непобедимого самодержца, цесаря и Великого князя всея Руси ты избрана быть его супругою. Вступи же на сей царский трон и властвуй вместе с государем и нами!

Марина, сделав надменное лицо, торжественно села на царский трон. В толпе русской знати прошёл возмущённый гул голосов, и кто-то из бояр громко сказал:

— Невиданное дело, чтобы баба рядом с царём на троне сидела! Тьфу ты! Одно слово — греховодники! Будь они прокляты!

Марина с вызовом посмотрела в сторону раздавшегося голоса, но так и не определила, кто это высказался, так как бородатые бояре, одетые в шубы и бобровые шапки, все были для неё на одно лицо.

К невесте подошёл патриарх, украсил Марину цепью Мономаховой и с молитвою возложил на неё

животворящий крест, барму, диадему и корону Мономахову, помазал царицу и причастил, чем несказанно возбудил у русской знати неприязнь и ненависть к самозванцам. Среди бояр прошёл ропот. Иван Иванович Голицын с возмущением забубнил, обращаясь к рядом стоящим князьям:

— Да где это видано, чтобы чужеземка, ещё не жена царя, а уже стала помазанной на царствие государыней!

Дмитрий Шуйский угрожающе зашептал Голицыну:

— Да замолчи ты, Иван Иванович, а то нам всё дело загубишь! Помолчи маленько! Иди вон на целование к руке царицы.

Бояре молча, по очереди, целовали ручку Марины. Иван Михайлович Пушкин после целования долго сплёвывал на пол и вытирал губы платком.

После церемонии князь Василий Шуйский повёл Марину и самозванца под венец.

* * *

После венчания Григория и Марины начался настоящий царский пир, со всем его весельем, плясками и удалью. Пили, кто от радости, кто от горя, кто просто хотел веселиться. Загуляла вся Москва. На улицы по приказу самозванца выкатили

бочки с вином и медами для черни. Несмотря на то что шёл дождь, охотников напиться задарма было великое множество.

Григорий Елизаров, мастеровой, кузнец крепкого телосложения, сажень в плечах, с чёрной окладистой бородой, с весёлыми голубыми глазами, балагур и шутник, с ватагой своих подмастерьев пришёл на улицы Москвы повеселиться и выпить на дармовщинку. Мастеровые подошли к одной из бочек с вином, взяли ковш у мужиков, по очереди выпили по черпаку. Вино оказалось на удивление крепким, и после выпитого мужики развеселились, стали шутить, бойко заговорили. Евсей, рыжий, с крючковатым носом, здоровенный детина, опрокидывая очередной ковшичек вина, крикнув, молвил:

— Ох, и хорошащее винцо самозванец выкатил народу! Закусывать не надо!

— А почём знаешь, что царь — самозванец? Может, и взаправдышный, говорят же, что мать признала его своим сыном, — возразил Карпушка, длинный жилистый мужик с насме — шливыми глазами и реденькой узкой бородёнкой.

— Да у самозваного-то царя и борода даже не растёт; сразу видно, что мужик-то не нашенский, а поляк, они, вон, все безбородые, а у русского человека вся сила и мудрость в бороде.

— Это ты верно сказал, Евсей, сразу видно —

не наш это мужик, да и с поляками все вожжается, вот и жену полячку взял. Настоящий-то русский царь, наверняка, при бороде был бы, дела имел бы только с боярами и в царицы бы взял русскую девку, — поддержал Евсея Григорий Елизаров.

За разговорами мастеровые хватанули ещё по черпаку и завеселели так, что Евсей заприплясывал, а потом запел:

*Ах, по мосту, мосточку по калиновому,
Ай-люли, по калиновому,
По второму-то мосточку по малиновому,
Ай-люли, ай-люли по малиновому...*

Не успел мастеровой допеть песенку, как из переулка прямо на весёлую компанию верхом на лошадях выехали шляхтичи — группа всадников из пяти человек. Они тоже были навеселе и, видимо, разгорячённые вином, искали приключений. Кое-кто уже плохо держался в седле. Поляки вплотную подъехали к бочке. Один из шляхтичей, выдернув из ножен кривую саблю, крикнул:

— Эй, русские свиньи, пошли отсюда вон! Скоро мы из вас католиков сделаем, а ваши поганые церкви закроем! Теперь наша царица вами править будет, — и замахнулся саблей на Григория Елизарова. Тот, изловчившись, подставил под удар оловянный ковшик, ловко перехватил руку поляка,

сдёрнул его с лошади, треснул шляхтича ковшиком по голове, да, видимо, спьяну перестарался, так что нападающий сразу же отдал Богу душу.

Вся ватага мастеровых, не давая опомниться полякам, набросилась на всадников. Сдёрнули их с коней, отобрали оружие, взяли под уздцы лошадей. Вскоре на подмогу полякам из переулка выскочило ещё несколько верховых всадников. Завязалась ожесточённая потасовка. И вот уже к мастеровым присоединились другие московские жители. В ход шли колья и булыжники.

— Я вам покажу католиков! — кричал Евсей. — Ишь чего выду — мали, антихристы, — с остервенением работая колом по польским спинам, приговаривал Карпушка.

Наконец, всех поляков уложили. Те, постанывая, валялись в грязи. Вокруг собралась большая толпа людей. У многих в руках уже были колья и даже вилы. Разгорячённая толпа всё росла и росла. Григорий Елизаров, вытирая со лба кровь, перемешанную с потом, крикнул:

— Идём громить антихристов, шляхтичей и их приспешников. Идём на Кремль и узнаем, кто там сидит: самозванец или настоящий царь!

Толпа одобрительно зашумела, и все направились к Кремлю.

Григорий Отрепьев лежал в брачной постели с Мариной Мнишек. Он спал с женщиной, о которой мечтал вот уже почти год. А теперь к её ногам он бросил целое царство, но радости от достигнутого не было, на душе постоянно лежал тяжёлый камень. Не было покоя и удовлетворения, где-то рядом жила тревога. Он, Гришка, монах-расстрига, ныне царь всея Руси Дмитрий. Казалось, что бы ещё человеку надо? О чём ещё можно мечтать? Но от мысли, что царь он не настоящий, а обманным путём добившийся престола, что любой простой москвич может крикнуть ему вслед «самозванец», в сердце у Григория жил страх, который крепко держал его.

Отрепьев широко раскрыл глаза, вглядываясь в темноту опочивальни, в которой когда-то спал Борис Годунов — убийца сына Ивана Грозного. Григорию казалось, что из всех углов комнаты на него смотрит царевич Дмитрий, виделось хмурое лицо Ивана Грозного, вплотную приблизившееся к нему.

Григорий в страхе прижался к горячему телу жены, обнял её, положив руку на грудь, другой закрыл глаза и прошептал: «Свят! Свят!» Марина открыла глаза и, пристально вглядевшись в лицо своего мужа, шепотом спросила:

— Что не спишь?

Григорий долго молчал, затем ответил тоже шёпотом:

— Страшно мне!

— Почему же тебе страшно? — с удивлением спросила Марина и властно добавила: — Ты же царь! У тебя слуги, войско русское и польское, да и бояре тебя поддерживают.

— Это ты правду говоришь, жёнушка, — ещё крепче обнимая ее, ответил царь, — но чувствует моё сердце, что где-то на Москве зреет смута!

— Какая ещё смута? — с удивлением спросила женщина.

— Народ недоволен, особенно поляками. Загуляли шляхтичи после нашей свадьбы. И нет им уёму. Обижают простых людей, бесчинствуют в церквях и на площадях, а это очень опасно с москвитями. Вчера, когда мы ехали по городу в карете к князю Курлятову, я видел подозрительные толпы народа. Не дай бог, если народ московский подыметься против нас. Надобно бы сказать шляхтичам, чтобы прекратили бесчинства. Утром надо поговорить с польскими послами, Олесницким и Гожевским. Пусть предупредят всех шляхтичей.

Марина резко откинула лебяжье одеяло, потянулась до хруста в костях, лукаво поглядев на мужа, сказала:

— Что-то я тебя, Дмитрий, не пойму. Зачем тебе шляхту притеснять, что ты так испугался

бунта? Ты же истинный царь, и тебе никакая опасность не угрожает. Пошумят московиты, побьют бояр, дворян да воевод, а тебе-то что, народ не тронет царя.

— В том-то и дело! Царя они не тронули бы, а меня может постигнуть страшная участь.

— Это почему же? — с удивлением спросила Марина и с неприязнью посмотрела на Григория.

Отрепьев долго не отвечал, видимо, в нем шла внутренняя борьба, он для себя ещё не решил, что ответить жене. Но душевные муки самозванца требовали излияния, ему было просто необходимо перед кем-то высказаться, он искал сочувствия, может, даже участия, которое ему очень хотелось получить, прежде всего, от Марины. Наконец, решившись, Отрепьев приподнялся на локте, мучительно выдавил из себя:

— Я давно хотел сказать, Марина... — и надолго замолчал, уставившись в одну точку.

— Ну! Говори! — почувствовав что-то неладное, заторопила жена.

— Я ведь не царь Дмитрий.

— Как это не царь? — почти выкрикнула Марина, дико уставившись на своего мужа. — А кто же ты таков? — опять воскликнула женщина.

— Я Григорий Отрепьев, монах-расстрига, — выпалил Григорий.

— Ты — самозванец! — прошептала Марина,

округлив глаза, затем поднялась с постели, подошла вплотную к лежащему мужу, крикнула ему в лицо:

— Обманщик! Ты обманул меня! Ты обманул моего отца, на — шего короля и шляхтичей!

Григорий сел, свесив босые ноги с кровати, захихикал.

Марина ещё больше поразилась поведению мужа, в нере — шительности застыла в полусогнутой позе, дико вращая своими большими карими глазами.

— Ты думаешь, они не знают? Всё они знают! — почти крикнул в лицо жене Отрепьев. — Да им всё равно: будь на русском престоле хоть сам дьявол, лишь бы их волю выполнял. Одна ты только думаешь, что вышла замуж за настоящего царя и теперь царица. Вот тебе! — и Отрепьев, показав фигу жене, крикнул: — Царицей она захотела стать!

Из груди Марины вырвался истерический крик:

— Обманщик! Самозванец! — И она медленно опустилась на край кровати, зарыдала, причитая: — Обманул! Обманул! Само — званец!

Григорий некоторое время безучастно смотрел на Марину, не говоря ни слова в свою защиту. Но постепенно истерика жены захватила и Отрепьева. Он передёрнулся всем телом, обхватил голову руками, раскачиваясь из стороны в сторону,

медленно сполз с кровати, обхватив руками ноги жены, зарыдал:

— Прости меня, Маринушка, что не сказал тебе сразу, боялся, что не пойдёшь за меня замуж. Но ведь ты же всё равно царица, все богатства России у твоих ног. Тебе прислуживают знатные бояре, дворяне, князья и шляхтичи. Что ещё тебе надо, что ты ещё хочешь?

Мнишек рукавом вытерла слёзы, прислушалась к словам самозванца, тяжело вздохнула, оттолкнула от себя Григория. Тот умоляюще посмотрел в глаза Марины, прошептал:

— Это я всё делал ради тебя. Я положил к твоим ногам цар — ство!

— Положить-то ты положил, да царство не настоящее, — с презрением ответила Мнишек.

Григорий попытался снова обнять ноги своей жены, но та его отстранила, прислушалась. С улицы был слышен гул толпы, по окнам ходили сполохи пожара. Женщина почувствовала недо — брое, второпях накинула на себя одежду, молча удалилась в одну из дверей спальни.

После ухода Марины вдруг ударили в набат на колокольне Ивана Великого. Колокольный звон тревожно плыл над Москвой, призывая людей к Кремлю. В окнах опочивальни ещё сильнее засветилось зарево пожара, сполохи огня освещали всё кругом багровым цветом.

Отрепьев подбежал к окну, лицо его побелело, перекошилось от страха; самозванец прошептал:

— Началось! — набожно перекрестился, бормоча: — Спаси и сохрани меня, Господи!

Григорий метался по спальне, ища одежду.

Во дворе Кремля уже слышался рёв толпы, раздавались кри — ки:

— Долой самозванца, польского царя! Давайте сюда царя-обманщика!

Слышались глухие удары чем-то тяжёлым в ворота кремлё — вского двора.

— Марина! Марина! — стал звать Григорий жену. Но ответа не было.

Вдруг раскрылась дверь и в спальню почти вбежали Михаил Молчанов и Григорий Шаховской. Они были переодеты в про — стую стрелецкую одежду, наперебой кричали:

— Беда, царь! Беда! Народ московский восстал! Твоей выдачи, батюшка, требуют!

Отрепьев опять заметался по покоям, не зная, что пред — принять, затем крикнул:

— Где охрана Кремля? Где стрельцы?

— Они с восставшими, — ответил Молчанов, — только шляхтичи ещё сдерживают взбунтовавшуюся толпу и не пускают в твои покои, но их очень мало.

— Бежать надо! Поспешай, царь Дмитрий! — усмехнувшись, заторопил Шаховской и, бросив на

кровать одежду простого стрельца, сказал: —
Одевайся, государь, быстрее!

Самозванец долго не мог натянуть маловатый кафтан, руки у него тряслись, лицо позеленело от страха.

Шаховской, поглядев на него, подумал: «Крепко самозванец перетрусил, вот-вот чувств лишится».

— А где же Марина? — спросил хриплым голосом Отрепьев.

— Царица Марина уже выехала со двора Кремля с иезуитом Каспаром Савицким и польскими послами, — слукавил Григорий Шаховской.

— Поспешай, государь, к выходу через кухню, на задний двор, а мы там поглядим, не остался ли ещё кто в покоях, — заторопил Молчанов.

— Илья! — крикнул Шаховской.

Из темноты выступил молодой стрелец.

— Проводи государя, — попросил Шаховской и заспешил за Молчановым по дворцовому коридору.

Отрепьев, озираясь, шёл в темноте за стрельцом, порой слыша лишь лёгкие шаги служивого да его дыхание.

Григорий лихорадочно, обрывками мыслей перескакивая от одного к другому, раздумывал:

«Вот они, слуги государевы, в самый тяжёлый час испытаний бросили меня! Даже жена, почуяв опасность, молча, не попрощавшись, сбежала с иезуитом! Бросили на произвол судьбы! Зато как они все любили принимать от меня подарки и милости! Если я только выкручусь из этой истории, — думал Отрепьев, — прогоню всю эту польскую шляхту! Ненадёжные люди! Только бы им обирать Россию! Неужели так несчастен русский престол? Уже немало государей было обречено на гибель, и до меня, видно, добиваются! — От этих мыслей у самозванца похолодело в груди: — Неужели это всё?! Неужели это конец? Эх, зря я дал полякам волю, а русские бояре и дворяне побоялись толпы, не заступились за меня, попрятались в своих домах. Кто же натравил московитов на меня?» Григорий стал лихорадочно перебирать в памяти князей, бояр, воевод. Но почему-то перед глазами всё время вставало слащавое лицо Василия Шуйского с хитрыми смеющимися голубыми глазками, с ехидной полуулыбкой в бороду. «Неужели все-таки эту смуту заварили братья Шуйские и их сторонники?» — И теперь уже Отрепьев явственно вспомнил, как на приёмах, пирах и на его свадьбе князя, бояре Шуйские, Воротынские, Голицыны, Долгорукие, Романовы перешептывались между собой, посмеивались, перемигивались, часто

отделяясь от других, оглядываясь по сторонам, о чём-то говорили. А он, Гришка, как дурачок, верил им, думал, что они обсуждают государственные дела, думают, как лучше помочь ему в управлении разоренным вконец войнами, опричниной Грозного, последними неурожаями и голодом русским государством. Не он ли, Григорий, наделял этих же бояр, князей, дворян и воевод землями, наградами, всячески обласкивая их. Так они его отблагодарили. Он всё делал для них, забыв про простой народ, тот народ, при помощи которого сел он на престол! Людям надо было делать добро, простым стрельцам, а он их боялся, думал, что надёжная защита и опора его — приближённые князья, бояре и шляхтичи. И вот, в час испытаний, он остался один. Одни его предали, другие бежали! «С народом надо было мне быть, им угождать, — с раскаянием думал Отрепьев. — Теперь, в лихой час, некому защитить меня, некому подать руку помощи! Неужели меня постигнет участь Бориса Годунова и его сына Фёдора, и быть мне убиенным Дмитрием?!» От этой мысли Григория заколотило мелкой дрожью, он хотел метнуться назад, чтобы забиться в какой-нибудь тёмный угол дворцовых покоев и переждать смуту. Но было уже поздно, стрелец, открыв дверь чёрного хода, сказал вполголоса:

— Сюда, государь.

Они прошли на задний двор Кремля, который был заполнен народом: простолюдинами, стрельцами, мастеровыми. Люди стояли небольшими кучками, спорили, кричали, другие действовали, ломались в двери, били окна, лезли на высокое крыльцо, где ещё отчаянно саблями отбивались шляхтичи.

Стрелец и Григорий незаметно проскользнули в толпу и стали уже выбираться за ворота Кремля, как вдруг нос к носу столкнулись с князем Василием Шуйским. Увидев царя, князь Василий на какой-то момент потерял дар речи, с удивлением глядя на самозванца. Затем, усмехнувшись в бороду, молвил:

— Государь! На кого ты нас покидаешь? Наверно, в Польшу собрался бежать?

Вокруг Шуйского и Отрепьева сразу же образовалась толпа. Люди какое-то время прислушивались к разговору, присма — тривались. И вот уже кто-то из стрельцов крикнул:

— Ребята! Да это же самозванец! Хватайте его!

На Григория вмиг набросились люди, сбили его с ног, подмяли. Последнее, что почувствовал самозванец, — это страх — ный удар по голове, и он вмиг провалился в тёмную бездну. Больше он ничего не чувствовал. А толпа ещё долго бесновалась. Люди в удары по самозванцу

вкладывали всю ненависть к надоевшим полякам, к своим угнетателям за слёзы, за голод, за унижение.

Вскоре во дворе Кремля вспыхнул большой костёр. Самозванца схватили за ноги, поволокли к костру. Несколько стрельцов, взяв самозванца за руки, за ноги, раскачали и бросили в костёр, не желая оставлять даже тело ненавистного царя. В небо взлетели тысячи искр. Затем вверх поднялся столб тёмного дыма. Кто-то крикнул:

— Смотрите, ребята, душа самозванца тело покинула! Видно, с дьяволом знался! — И множество рук потянулось ко лбу. Люди набожно перекрестились.

* * *

Во дворце стояла гнетущая тишина. Охрана и придворные разбежались или попрятались. Кругом как будто всё вымерло. С улицы раздавался шум людской толпы, глухие удары в двери дворца, крики и гул голосов разъярённых горожан. По стенам и окнам дворцовых палат гулял багровый свет пожаров, выхватывая из глухой тьмы высокие колонны и своды потолков.

Шаховской и Молчанов, освещая себе путь толстой восковой свечой, осторожно, с оглядкой, пробрались в Престольную палату. Огонёк свечи дрожал, а иногда начинал сильно трепетать,

готовый погаснуть. Шаховской прикрывал ладонью язычок жёлтого пламени от воздушного потока, не давая ему погаснуть. В царский кабинет они вошли, не сговариваясь, прекрасно понимая, чего хотят. Вот и резная дверь палаты. Молчанов тихо приоткрыл ее, заглянул вовнутрь царского кабинета. Там было темно и тихо. Он проскользнул в помещение, за ним вошёл Шаховской. Григорий приподнял над головой свечу, чтобы осветить кабинет царя. По стенам заходили причудливые тени. Слабое пламя свечи осветило помещение, где в беспорядке были разбросаны вещи. Стол завален бумагами вперемешку с одеждой; поверх всего этого лежал кафтан с позументами, а на него небрежно брошены царская корона и скипетр, которые привораживали холодным блеском драгоценного металла и дорогих камней. Михаил Молчанов так и впился глазами в царские атрибуты. Его сухие жилистые руки непроизвольно потянулись к короне. Михаил жадно схватил ее, поднёс прямо к лицу, взгляделся в сверкающие камня и блеск холодного драгоценного металла. Отложив корону, Молчанов потянулся за скипетром и царской печатью, зажёб всё цепкой жилистой рукой. Лицо его сделалось властным, в глазах заходили дьявольские огоньки.

Уже наступило лето, когда Иван Исаевич Болотников привел свой десятитысячный отряд в Речь Посполитую. Казаки раскинули свой лагерь недалеко от Кракова на берегу небольшой речушки. Местность была холмистая, с перелесками и глубокими оврагами. Свой стан атаман велел огородить частоколом, сделать бойницы. Шатер ему казаки поставили на возвышенном месте, откуда хорошо просматривалась вся местность. После длитель — ного похода из Венгрии через Германию люди устали. Да и в Венгрии казаки, как говорится, не вели праздную жизнь. Там они помогали венграм бить турок. Были победы и поражения, но отряд от этого только становился организованней и искуснее в военных действиях. Запорожцы со своим атаманом прошли нелегкий путь беспрепятственно.

Теперь казаки отдыхали, наслаждаясь временным покоем, чинили одежду, оружие, залечивали раны, приобретенные в боях за свободу венгерского народа.

Иван Исаевич сегодня пировал со своими ближними сподвижниками у себя в шатре. Был накрыт широкий стол. Посредине стола стояли витиевато украшенные резьбой два бочонка с добрым венгерским вином, красовались блюда с жареным мясом, рыбой, с медами и квасом.

Атаман сидел во главе стола, широко улыбался, радуясь небольшой передышке. Это был закаленный в боях воин, с открытым энергичным лицом, серыми умными глазами. Высокий лоб с глубокой складкой в переносье, широкие скулы, муже — ственное загорелое лицо — все это выдавало в нем незаурядного человека. Волнистые русые волосы были аккуратно зачесаны, борода и усы с проседью коротко подстрижены. Атаман был крепкого телосложения, среднего роста, подвижен, а когда улыбался, обнажал ряд крепких белых зубов, располагая к себе собеседника своим обаянием. Его красивый раскатистый бас покорял людей: когда он говорил, то полностью заражал всех своей уверенностью, и народ готов был идти за ним в огонь и в воду.

За столом сидели его ближние друзья и сподвижники: Иван Аничкин, Митя Беззубцев, Алексей Нагиба, Федор Берсень и другие сотники и полусотники его казацкого войска.

Болотников, подняв кубок с вином, сказал:

— Пьем, казаки, за начало! За начало службы нашему истинному и справедливому государю Дмитрию! Он дарует простому народу волю! Чтобы мы, казаки, жили, как хотели!

— Любо! — дружно крикнули сподвижники, поднимая кубки. Испив вина, казаки стали закусывать, оживленно заговорили.

— Я вот какую байку слышал про нового царя Дмитрия, — вытирая усы после испитой чарки, громко заявил Беззубцев Митька. За столом все притихли, с недоумением посмотрели на сообщившего известие.

— Говори, что за байку ты слышал, — с нетерпением спросил Федор Берсень, прожевывая кусок мяса. Это был плечистый казак, с темной шевелюрой вьющихся волос, с зелеными дерзкими глазами, горбоносый, лицом рябоватый, с тонкими насмешливыми губами. Человек, язвительный на язык, как гово — рят, «ради красного словца не пожалеет и отца».

— А поговаривают в народе, казаки, будто опять царь Дмитрий не настоящий, а самозванец, сбежавший от боярина служилый человек, — ответил Митька.

— Откуда ты это взял! — крикнул уже захмелевший сотник Нагиба, казак могучего телосложения, лихой рубака в бою и заводила всяких споров и драк. Он мог спорить с кем угодно и сколько угодно, доказывая свою правоту, а если это не удавалось, и хорошую трепку мог задать своему противнику, поэтому многие казаки старались с ним не связываться, чтобы не иметь помятого лица или других неприятностей.

Все с интересом стали наблюдать: что же произойдет дальше? Нагиба привстал из-за стола и

хотел пробраться к Митьке поближе, но тут вмешался Болотников; обращаясь к Алексею, жестко сказал:

— Сядь! — и уже спокойно заговорил: — Я эти речи, казаки, тоже слышал, но всяким слухам не очень-то верю, потому что враги царя могут говорить всякое, но все возможно, хотя мать Дмитрия его признала. А кто может лучше знать своего дитя, чем мать? Значит, царь настоящий.

— Признать-то она его признала, а может, и заставили признать. Кто его знает? — ответил Митяй, придвинув к себе по — ближе блюдо с рыбой.

Болотников разгладил усы, обдумывая сказанное Беззубцевым, затем поднял кубок, обратился к казакам:

— Давайте, братья, выпьем за то, чтобы государь российский, Дмитрий Иванович, был настоящий, и за то, чтобы польский король Сигизмунд помог ему сесть на престол, по праву ему принадлежащий. Будем ему благодарны! — Иван Исаевич мед — ленно выпил вино.

— Любо! Пьем за настоящего царя Дмитрия и друга нашего польского короля Сигизмунда! — вразнобой кричали запорожцы, поднимая чарки с вином.

Заиграли сопели, ударили бубны, и пошло неудержимое веселье. Федор Берсень, лихо заломив

казацкую папаху с красным верхом, запел:

*По лугу, лугу вода со льдом,
По зеленому золота струя струит.
Струйка за струйкой — сама лебедь плывет,
Белая лебедушка — девушка,
Белая лебедушка девушка — ясный сокол
молодец.*

*Где его не вижу — по нем сердце болит.
Где его увижу — сердце возрадуется,
Кровь в лицо разыграется....*

Это была любимая песня Ивана Исаевича, но он сейчас был далеко от этого пира. Картины прошлой жизни полностью завладели его сознанием. Вот он еще подросток, плачущий и испуганный, забился в угол, а в доме и во дворе усадьбы бесчинствовали опричники. Собирали пожитки — шубы, домашнюю утварь, ковры — выносили во двор и складывали в телеги. Отца тут же заковали в цепи и увезли. Вскоре весь дом и двор вымели подчистую опричники Ивана Грозного во главе с князем Телятевским, забрали все, что можно было забрать. Плачущую мать, его самого, всю дворню усадили на телеги и отправили в поместье князя. С тех пор они стали холопами боярина Телятевского. После всех этих событий мать стала таять как восковая свеча. Не могла

выдержать такого унижения дворянка, волей судьбы превратившаяся в холопку. От тоски и уныния она стала болеть и вскоре умерла.

Иван рос смышленным крепким мальчиком и через некоторое время стал статным красивым юношей. Князь Андрей Алексеевич Телятевский Ивана не обижал, старался его обласкать, научил грамоте, военному делу. Вскоре Болотников стал сотником на московском подворье боярина. Он был вхож в семью своего хозяина. Военная служба у князя давала сытую жизнь и даже развлечения вместе с хозяином, так как тот любил охоту и увеселения. Нередко боярин устраивал набеги на неугодных государю знатных людей, что приносило ему немалую прибыль. Молодой воин, участвуя в закабалении и разорении дворян, бояр и подчас простых людей, с жалостью относился к этим несчастным, а порой отпускал их на все четыре стороны. Переживший сам такую трагедию, он в душе ненавидел эти набеги и хозяина, который с рвением служил царю Ивану Грозному, но изменить ничего не мог. Иван был всего лишь подневольным холопом. Иногда ему в голову приходили мысли о побеге на Дон, к казакам, но не мог он этого сделать: удерживала любовь к дочке князя, Марии.

Это была настоящая красавица: стройная, белолицая, с голубыми, как незабудки, глазами,

тугая золотистая коса — почти до пят, смешливая, веселая, со звонким голоском, заразительным смехом, который постоянно звучал в княжеском доме. Когда она встречалась с Иваном, замолкала, краснела, боясь взглянуть ему в глаза. Но это было только поначалу. Постепенно они сблизились, стали вместе проводить много времени. Князь не обращал на это никакого внимания, так как Иван был вхож в дом, и он надеялся, что преданный ему холоп просто развлекает его дочь. Но любовь их крепла с каждым днем. Вскоре эти взаимоотношения от легких прикосновений переросли в поцелуи и жаркие объятия, они уже не могли и дня прожить друг без друга.

Однажды, когда боярин отлучился в свою вотчину, Иван тайком, с помощью Марии, переодевшись в служанку, проник к ней в опочивальню, где они впервые познали все прелести близости, бурную страсть.

Это была ночь их любви, первая и последняя. Утомленные страстной любовью, Мария и Иван заснули крепким сном. Но в доме князя были свои глаза и уши. Как только рано поутру Телятевский неожиданно вернулся из вотчины, дворецкий Ефим сразу же ему обо всем доложил. И, что называется, влюбленных взяли еще тепленькими. Неожиданно в опочивальню княжны ворвались дюжие слуги и повязали Ивана, заломили за спину руки, поволокли

по приказу хозяина на конюшню. Мария рыдала, закрыв от стыда лицо руками, затем кинулась в ноги к отцу, прося пощадить любимого, виня и кляня во всем себя, но князь был неумолим, и, наверно, Болотникова забили бы батогами до смерти. Но провинившемуся сотнику неожиданно повезло. В этот же день царь Иван Грозный затребовал боярина к себе во дворец по каким-то важным делам. Хозяин отсутствовал дома несколько дней. Ночью Мария уговорила конюха Алексея помочь бежать возлюбленному с княжеского двора.

Прощание несчастных влюбленных было коротким. Мария неутешно плакала, обнимая любимого, он же обещал ей вернуться, хотя они сами в это плохо верили, зная наверняка, что видятся последний раз.

Так он оказался у донских казаков, где принимал участие в походах против крымских татар. В одной из таких стычек их казацкий отряд попал в засаду, завязалась жестокая схватка. Многие из его товарищей полегли тогда, и мало кто ушел от преследователей, а Болотников, раненный татарской стрелой, попал в плен, а там был переправлен в Турцию на невольничий рынок.

Вскоре его приковали цепями гребцом на галеру. Вот здесь-то и начались его испытания адом. Целыми днями под палящим солнцем

приходилось ему вместе с остальными невольниками грести веслами. Хозяин не баловал своих рабов сытной едой: за целый день давали одну лепешку да немного пресной, уже вонючей, испортившейся воды и плетей вволю, если надсмотрщик видел, что гребец плохо работал. Порой жизнь казалась Ивану невыносимой, думал, что все это никогда не кончится. Но, видно, Господу было угодно, чтобы однажды мучения рабов прекратились. Напали на турок немецкие военные корабли, завязалась жестокая схватка. Турки попытались уйти от преследователей в море, но, как жестоко надсмотрщик ни избивал невольников, они перестали грести, понимая, что единственный путь к спасению — если немцы победят их мучителей. После победы над турками всех рабов на галерах освободили, а затем доставили в Венецию. Бывшие невольники разбрелись кто куда, а Болотников вместе с Беззубцевым находились некоторое время в Венеции, где и познакомились с запорожскими казаками. Вскоре новые знакомые уговорили их отправиться в Венгрию, помогать венграм бороться с турками за свою свободу. Память о рабстве была у Ивана и его товарища еще свежа, и им хотелось отомстить туркам за свои обиды. Так у него и Беззубцева началась беспокойная, полная опасностей, военная жизнь.

Иван Болотников заметно выделялся среди казаков как опытный и искусный воин и вскоре возглавил отряд запорожских казаков численностью в 10000 сабель. Здесь же, в Венгрии, он узнает о больших изменениях в России, о том, что на царский престол при помощи польского короля Сигизмунда посажен настоящий государь — Дмитрий Иванович, который чудом уцелел и спасался до поры до времени в Речи Посполитой.

Заинтересовавшись этими событиями в России, Болотников отправляет послов во главе с Алексеем Нагибой к польскому королю с челобитной, в которой запорожцы изъявляли желание послужить настоящему русскому царю Дмитрию Ивановичу.

Польский король ласково встретил казаков и выразил надежду, что запорожцы будут служить московскому государю верой и правдой, и пригласил отряд Болотникова стать под Краковом. И вот теперь он ждал послов от Сигизмунда, короля польского, но что-то от него не было никаких известий, хотя казаки стояли лагерем под Краковом вторую неделю. Иван Исаевич не знал, что и подумать, ему не терпелось двинуться в Россию.

Из задумчивости атамана вывел Беззубцев, который подсел к нему рядом и спросил:

— Что это ты, Иван Исаевич, загрустил, вина не пьешь, один, задумавшись, сидишь?

— Дни прошлой жизни вспомнились, наше с тобой рабство у турок, — улыбаясь, ответил Болотников.

— Да уж, натерпелись и повидали мы с тобой, Иван Исаевич. Не знаю, как тебе, а мне частенько по ночам снится наше рабство. Чем такая жизнь, лучше уж смерть!

— Вот и я хочу помочь государю нашему освободить народ России от рабства, чтобы люди сами могли выбирать, как им жить: хоть землю пахать, хоть ремеслом заниматься, хоть в казаки идти, как мы.

— Ой, не знаю! — покачав головой, воскликнул Митяй. — Плохо мне верится, чтобы бояре, князья, дворяне да помещики согласились народ освободить! Кто же тогда на них работать будет? Не свычны они, Иван, трудиться.

— Сами будут работать. Государству служить будут, а тех, кто не захочет, заставим. Сейчас государь Дмитрий Иванович многое делает для народа, говорят, что все подати землепашцам отменил. Да, видно, мало у него сторонников, надобно нам ему немного подмогнуть, глядишь, всем миром правду и справедливость в государстве установим. Наверно, бояре да воеводы большое сопротивление оказывают, не дают ему сразу помочь бедным людям, окружили его лестью да угодничеством, скрывают от него всю правду, как

простой народ живет плохо, как мучают бедный люд, как издеваются над ним богатые кровососы. Вот мы и должны ему, государю, открыть глаза, рассказать обо всем, что творят богатенькие.

— Правое дело ты задумал, Иван Исаевич, да только осуществить его будет трудно, — покачав головой, с сомнением сказал Беззубцев.

В это время в шатер быстро вошел казак Федор Болдырь и направился к атаману. Так как было очень шумно от говора подгулявших казаков, Федор, наклонившись к уху Болотникова, сказал:

— От польского короля Сигизмунда к нам пожаловал посол Ян Веливицкий со свитой, желает с тобой разговаривать.

— Наконец-то! — воскликнул Иван Исаевич и, радостно улыбаясь, произнес: — Закончилось наше безделье, и ждут нас важные дела! Скоро пойдем в Москву, на службу к нашему государю!

5

Испуганная шумом толпы и отсветом пожара, полуодетая, Марина в сопровождении слуги Каспара Савицкого, в беспамя — тстве, пробралась в покои своей служанки гормейстерины. Маленькая, хрупкая, она юркнула ей под юбки.

Возбужденная толпа москвитов, сметая все

на своем пути, прорвалась в опочивальню служанки. Слышались выкрики:

— Ищите самозванцев! Где этот безбородый антихрист! Ищите польского самозванца! Убивать их будем! Ишь, чего захотели, антихристы, веру нашу уничтожить! Да мы его! — кричал народ, напирая на верного слугу Каспара, который встретил заговорщиков со шпагой в руке, сдерживая натиск толпы.

Изловчившись, Григорий Елизаров ударил иезуита колом по голове; тот зашатался и упал, обливаясь кровью. Толпа с ревом ворвалась в покои служанки. Грязные и убогие ярыжки, полупьяные московские людишки стали шарить по углам, заглядывать в шкафы, хватать и растаскивать меж собой дорогие платья, ткани и украшения. Стали подбираться к служанке, чтобы содрать с нее одежду.

— Эй, толстуха, а ну, скидывай с себя юбки! — стал приставать к служанке Евсей, пытаясь сдернуть с женщины наряды. Но в это время в покои гормейстерины пробились Иван Иванович Шуйский, Иван Михайлович Воротынский, Григорий Петрович Шаховской в сопровождении отряда стрельцов. Всех взбун — товавшихся людей выгнали из спальни, приставили стражей у дверей около десятка стрельцов, чтобы никто не ворвался к женщинам вновь. Из-под юбок

служанки извлекли позеле — невшую, трясущуюся от страха Марину.

Погромив неугодных бояр и шляхтичей, бунтари, удовле — творив желания Василия Шуйского и свои страсти, угомонились. Вскоре во дворе Кремля был наведен порядок.

Марину Мнишек со служанкой отправили к ее отцу под усиленной охраной стрельцов.

* * *

Утром следующего дня на Соборной площади Кремля собралось великое множество народа. Огромная толпа гудела и волновалась. Эта неугомонная людская сила в любую минуту могла забурлить и взорваться, разнести все ради хорошего царя. Чернь московская готова была менять царей хоть каждую неделю; убивать, грабить было куда легче, чем работать в поте лица на своих хозяев.

На красном крыльце стояли бояре, воеводы и духовенство, в черных рясах, поблескивая серебряными крестами.

Тяжело ступая, опираясь на посох, вперед вышел архи — епископ Арсений. Бояре расступились, давая проход старцу. Старик устало оглядел возбужденную толпу, огладил седую бороду, сильным голосом произнес:

— Люди православные, настал час испытаний,

час укрепления православной веры нашей! Господь все видит, и Он нам помогает! Он помог нам освободиться от антихристов, поса — женных поляками на государев престол! Сегодня Он дарует нам право назвать царем достойных среди нас, — и, кивнув в сторону бояр, продолжил: — знатных и уважаемых людей! Господь дарует нам это право, ибо государство наше Российское не может жить без царя, без вожака, который будет справедливо управлять нами по чести и совести!

Архиепископ еще не закончил речь, а из толпы уже слы — шались выкрики наемников, специально посланных Шуйским.

— Хотим государем Василия Ивановича Шуйского! Шуйского хотим! — заревела толпа, подхватив выкрики наемников.

— Ивана Никитовича Романова хотим государем! — где-то в толпе крикнул одинокий голос, заглушаемый ревом множества голосов:

— Шуйского хотим! Хотим Шуйского царем!

Архиепископ поднял над головой золотой крест. Толпа зати — хла, старец сказал:

— Коли вы этого хотите, тому и быть!

На крыльцо вышел Василий Шуйский, встал рядом с Арсением, поклонился на три стороны, молвил:

— Спасибо, люди, за честь! Служить буду вам и государству нашему, не жалея живота своего!

Арсений троекратно осенил Шуйского крестом, крикнул в толпу:

— Благословляю сего мужа на царствование в Российском государстве!

Толпа взревела, задвигалась, выражая согласие. Старец поднял опять крест, торжественно сказал:

— А сейчас всем целовать крест и присягать новому нашему государю всея Руси, Василию Ивановичу Шуйскому!

Уже на следующий день, не дожидаясь избирательного Земского собора, Василий Шуйский с ближними боярами восседал в царском кабинете Престольной палаты. А решать ему и его думным боярам и воеводам было что: казна была разорена самозванцем до предела, нечем было даже платить стрельцам и дьякам, в городах бунтовала чернь.

Прежде всего, царь планировал убрать воевод, ставленников самозванца, и вновь всех привести к присяге, к крестному целованию на верность ему — новому государю. А это было не просто, особенно на юго-западе России и, самое главное, в городе Путивле: ведь там был центр смуты.

Василий Шуйский, читавший грамоты из различных мест России, которые ворохом лежали у него на столе, наконец, отодвинув их в сторону, обратился к думным боярам:

— Что будем делать с оставшейся шляхтой и прежде всего с самозваной царицей Мариной Мнишек и ее отцом?

— Надобно отправить их, а заодно и других шляхтичей в Польшу, чтобы они тут воду не мутили, — с раздражением в голосе заявил Голицын, дородный боярин с голубыми глазами, с аккуратно подстриженной, лопатой, бородой.

— А может, посадить их в приказ тайных дел да допросить с пристрастием, — предложил Иван Михайлович Воротынский, грузный мужчина с одутловатым красным лицом, опирающийся двумя руками на посох.

— А что у них пытаться-то? Мы про них и так все знаем. Отправить их всех надобно в Польшу — и дело с концом! — заявил Иван Михайлович Пушкин, худощавый боярин с серыми живыми глазами, мясистым носом, окладистой темно-русой бородой.

— Не будем, бояре, грех на душу брать, мутить зря народ, а отправим их побыстрее в Речь Посполитую, чтобы не было больше у московской черни желания царей менять. А то ярыжки и всякие бездельники, которые не хотят работать, горазды бегать по Москве, красного петуха пускать да грабить подворья богатеньких да неугодных! — наставительно молвил патриарх, присутствующий тоже на совете бояр. Старец перекрестился и

продолжил: — Гнать нечестивцев надобно с Руси и восста — навливать порядок в государстве, чтобы никому не было повадно больше лезть на наш престол!

* * *

Закрытый простенький возок, и даже не карета, запряженный в пару пегоньких лошадемок, дожидался Юрия Мнишека и Марину. Граф складывал в сундук кое-какие вещи, а дочь, сидя в кресле, давала указания служанке, как уложить свои, совсем скудные наряды. Все ее прекрасные платья и драгоценности, которым она не знала счета, были разграблены московской чернью. Гордая и высокомерная, как подобает ясновельможной пани, она не плакала, не рыдала о своих утратах, а стойко выносила все удары судьбы.

Граф Мнишек сел напротив Марины, загадочно улыбнулся и сказал:

— У меня, царица моя, есть для тебя очень хорошие новости. Вчера явился ко мне человек, и вот что он мне поведал. В Москве прошел слух, что мужа твоего, оказывается, не убили, а загубили совсем другого человека, похожего на него, а царь Дмитрий Иванович спасся и сейчас хоронится с верными людьми в укромном месте, что будто

скоро даст знать, куда тебе к нему прибыть.

Марина удивленно подняла брови, не проявив особой радости, и неожиданно для отца произнесла:

— Это хорошо, что мой суженый жив. Может, снова вернемся в Москву на царствование. Тогда уж я всех этих бояр Шуйских на Спасских воротах заставлю перевешать! Что это, отец, ты моего суженого Дмитрием Ивановичем навеличиваешь, ты же ведь знал, что это Григорий Отрепьев? Что он самозванец!

— Откуда это ты, царица моя, взяла? — с деланным удивлением спросил граф и изучающе посмотрел на дочь, подумав, кто это мог ей доложить, неужели все те же Шуйские?

Марина, грустно улыбнувшись, ответила:

— Накануне смуты он сам мне все рассказал, прощения просил за обман свой, плакал.

— Ну и что теперь? Ты решила отказаться от царствования?

— Не дождутся, чтобы я отказалась от царствования! Я помазанница Божья, и престол будет только мой! Теперь самое главное — в Москву вернуться!

Марина на минуту задумалась, в ее глазах заходили злые огоньки, по лицу пробежала тень. Ее тонкие губы скривились в злой усмешке.

В это время вошел стрелецкий сотник и заторопил:

— По указу царя Василия Ивановича вы немедля должны отправиться в путь до Литвы, а там обязаны вернуться в королевство Польское. Таков был договор с их королем. Если указ царя будет нарушен и вы измените свой путь следования, то будете схвачены и отправлены в Приказ тайных дел для допроса с пристрастием. Сопровождать вас будут десять конных шляхтичей и сотня верховых стрельцов.

Вскоре отец и дочь уселись в возок. Шляхтичи погрузили несколько сундуков с вещами, и изгнанники тронулись в путь. Граф печально посмотрел на все свое богатство, которое у них осталось с дочерью, и подумал: «А ведь так все хорошо складывалось, когда завладели русским престолом. Богатство так и валилось в руки, все было, что только душа пожелает. Все шляхтичи завидовали мне».

И вот такой печальный конец. Ради своего успеха он пожертвовал всем: и честью дочери, и ее желаниями. Заставил жить с этим уродом и бабником Гришкой. Еще бы с годик посидел на престоле самозванец, тогда бы они убрали этого недоумка и царствовала бы его дочь. Теперь опять появилась надежда. Может быть, еще не все потеряно: «Главное, Гришка остался жив; все-таки он, как-никак, помазанник Божий и как бы теперь настоящий царь. Опять народишко подсоберем,

король польский поможет, глядишь, и вновь вернемся в Москву».

Наконец граф очнулся от своих мыслей, взглянул на дочь, ободряюще ей улыбнулся и сказал:

— Не горюй, царица моя, кажется, скоро все у нас наладится, и ты заживешь прежней жизнью, и думные бояре будут ползать у твоего трона на коленях, заискивать и просить пощады.

Марина заулыбалась, а потом, звонко засмеявшись, сказала:

— Не смогут они ползать в моих ногах и пощады просить! Я всех думных бояр распоряжусь повесить на стенах Кремля, чтоб впредь другим неповадно было смуту наводить в государстве! После этих слов и вселенной отцом надежды о возвращении на царствование Марина развеселилась, запела:

*Соловей мой, соловей,
Молоденький легонький,
Голосочек тоненький!
Не пой, не пой, соловей,
Громким голосом своим...*

Отец Марины с удивлением прислушался к пению дочери, спросил:

— Где это ты выучилась так ладно петь

по-русски?

Марина, улыбнувшись, ответила:

— Русские девки выучили, я же все-таки русской царицей была, хотя бы их песни должна знать.

— Эх, и хорошая бы царица из тебя получилась! — мечтательно произнес граф.

Марина звонко рассмеялась в ответ и стала петь по-польски. Отец, наблюдая за дочерью, радовался за нее: кажется, воз — возвращаются к ним опять счастливые времена.

Недалеко от городка Стародуба к возку подъехал молодой шляхтич. Путники остановились, а стрельцы разнуздали лоша — дей, повели попоить их к речушке, затем после пыльной дороги решили передохнуть сами. Остались только отец и дочь. Молодой поляк подошел к Марине, поклонился ей в пояс, сооб — щил:

— Марина Юрьевна, царь Дмитрий ожидает вас в Стародубе и хочет свидеться, но... — шляхтич замялся, не зная продолжать ли ему дальше и, наконец, выдал из себя: — но вы встретитесь не со своим мужем, а совершенно с другим человеком, и вряд ли он вам понравится. Так что решайте: встречаться вам с ним или ехать в Польшу.

Это сообщение, словно громом, поразило Марину. Она зашаталась. Посланник едва успел

подхватить ее под руки. Все надежды их рушились вновь. Опять какой-то самозванец! Снова обман! Она присела на принесенный слугами стульчик, устало произнесла:

— Дальше мы не поедem, ставьте здесь шатер. Пусть он сам сюда приезжает, посмотрю, что это за суженый и новый государь — Дмитрий Иванович.

Марина заметно сникла, ее веселое настроение сменилось задумчивостью и раздражительностью. Она повернулась к молодому гонцу, резко бросила:

— Пусть новоявленный царь явится сюда встретить молодую жену, а там посмотрим, что делать!

Вскоре появился ничего не подозревающий сотник со стрельцами, готовый продолжать путь, но, увидев, что слуги ставят палатки, спросил:

— Почему прекращаете путь без моего ведома?

К сотнику подошел граф и, искусно притворяясь, печально заявил:

— Дочка очень плохо себя чувствует. Мы просим сделать остановку, пусть Марина немного поправится, а завтра про — должим свой путь.

Сотник без колебаний согласился и дал стрельцам команду располагаться на отдых.

Отец и дочь, удалившись в палатку, присели на свой походный сундук с нехитрым барахлом,

напряженно молчали, думая каждый о своем.

Граф Мнишек размышлял: «Кажется, появилась у нас хоть какая-то возможность опять возвыситься, иметь власть и звонкую монету в кошельке. Кто бы он ни был, надобно уговорить дочь сойтись с этим новым царьком; может, у него лучше получится, чем у прежнего ее мужа».

Марина была в сомнениях, вся душа ее взбунтовалась, ей хотелось плюнуть на все и мчаться в Польшу. «Ну, а там что? — рассуждала она. — Позор! Нищета и убогость! Все ясновельможные пани будут подсмеиваться! Они-то уж припомнят мне блистательный отъезд в Россию!»

До сих пор стоят у нее перед глазами эти ненавистные, завистливые взоры знатных дам. И теперь они будут под — смеиваться, хихикать в уголках, сочиняя про нее сплетни. Нет, в Польшу она не помчится, будет до конца оставаться царицей! А вдруг все получится? Надо еще посмотреть на новоявленного царя-самозванца.

Отец ее, как будто угадав мысли дочери, произнес:

— Уж ты, Маринушка, не торопись бежать; может быть, на этот раз счастье нам улыбнется! Ведь у нас с тобой за душой ничего нет — ни денег, ни имущества, а в Польше нас ждут долги, которые мы так и не отдали кредиторам.

Марина незаметно вытерла набежавшую

скудную слезу, произнесла сквозь зубы:

— Знать, судьба моя такова, это мой крест, и придется мне нести его до конца! Я ведь на престол помазана! — и, помолчав, добавила: — Делать нечего, будем ждать нового суженого.

Через несколько часов показалась целая сотня всадников. Стрелецкий сотник, увидев их, забеспокоился, подбежал к графу, закричал:

— Так вот вы кого ждали! А я, дурак, поверил вам!

Сотник так и не успел ничего предпринять. Отряд окружил лагерь путников, а к шатру изгнанников подъехали всадники.

Марина с любопытством вглядывалась в прибывших гостей, пытаясь угадать, кто же из них самозванец.

Неожиданно перед ней появился самый настоящий мужик с грубыми чертами лица, с прямыми темно-русыми засаленными волосами, с глубоко посаженными глазами неопределенного цвета, приземистый, с крупной головой и походкой враскачку. Новоявленный царек широко улыбнулся, обнажив желтые лоша — диные зубы, воскликнул, как будто они расстались только вчера:

— Ну, наконец-то! Вот и царица моя!

Самозванец распростер руки для объятий. Но ясновель — можная пани подставила ему руку для целования: тот неумело облобызал пальцы. Марина

украдкой брезгливо обтерла платочком руку. Граф Юрий пригласил новоявленного государя в шатер для разговора.

Разговор между Мнишеками и тушинским царьком был долгий и велся с глазу на глаз. Все понимали шаткость положения самозванца, но каждый из них жаждал власти, денег и высокого положения. Глядя на новоявленного царя, Марина видела в нем неотесанную грубость, неумение вести себя в обществе, думала, что царь из него будет никудышный и положение у нее при нем — шаткое и унижительное.

«И это теперь мой новый муж? Да как с таким уродом разделять ложе? Нет, ни за что!..» — кричала и противилась ее душа.

Но когда она думала о царском престоле, все противоречия и отвращение гнала от себя. Шапка Мономаха застила ей глаза. Она хотела быть царицей — и все тут!..

Отец и самозванец вели торг. Продавали и покупали ее. Торговались за ее будущее отчаянно. Марина отвлеклась от своих мыслей, прислушалась к разговору.

— Пока не сядешь в Москве на трон, будете жить с Мариной как брат с сестрой, без брачной постели, — предъявил требования граф.

— Нет, я с этим не согласен, женой она мне станет сегодня же, в эту ночь! Если это не случится,

то я буду искать другую жену на царский престол, а вас утопим в реке как самозванцев!

После его слов наступила гнетущая тишина, дело принимало серьезный оборот, но тут с места встала Марина; поджав губы, заявила:

— Хорошо! Я согласна разделить с ним супружеское ложе, все должно быть так, как у мужа с женой, и это должны знать и видеть люди — иначе нам не поверят, — и, обратившись к отцу, распорядилась: — Вели подать вино и закуски.

Стол слуги накрыли в шатре. Состоялся первый семейный ужин Богданки с Мариной и ее отцом. Разговоры, в основном, вели новоявленный муж и граф. Марина молчала, только часто прикладывалась к кубку с вином, видимо, надеясь на забвение, чтобы первая их брачная ночь была не так отвратительна.

Совместный ужин закончился далеко за полночь. Граф удалился почивать в свою палатку, а Богданка со своей женой остались один на один. Новоявленный царь, не теряя времени, схватил Марину в охапку, грубо затащил в постель. Женщина от такой бесцеремонности даже растерялась. С ней еще никто так грубо не обращался. Она не знала, что ей делать, но затем решила для себя, что чем быстрее все произойдет, тем лучше. Самозванец, царь Дмитрий, сорвал с нее одежды, оставив Марину совершенно обнаженной.

Сильными руками бросил ее под себя. Ясновельможной даме ударил в нос крепкий мужской запах пота, а в ее тело вошло упругое, большое и горячее. Пани охнула от неожиданности и чувства блаженства. Перед глазами все поплыло, тело охватила сладострастная дрожь, и от ощущения необыкновенной истомы, которая растекалась по всему ее телу, из груди ее непроизвольно вырвался протяжный стон. Ей стало легко, как будто она парила в воздухе. Эта необыкновенная страсть удивила ее и напугала. В эту ночь Марина неумоимо отдавалась новому поклоннику снова и снова. Казалось, весь мир перевернулся для нее. Вся неудержимость ее натуры, все желания, вся неукротимость ее характера выплеснулись в сладострастном порыве бесстыдной близости с грубым неотесанным мужиком.

Утром Марина, посвежевшая, в белых одеждах, на белом коне, в сопровождении свиты торжественно въехала в лагерь самозванца. Были наигранные слезы радости и объятия при встрече с царем Дмитрием. Люди умилялись, восторженно приветствовали царицу. Мнишек с царственной осанкой объехала лагерь самозванца, ее опять целиком захватила роль государыни, и играла она ее блестяще. А графу Юрию вновь замерещились горы золота, драгоценные подарки, поместья и

безграничная власть, о которой он мечтал и которую жаждал.

6

Иван Болотников со своими казаками прибыл в Самбору уже вечером. Едва они успели разбить стан, поставить шатер атаману, как наступила глухая летняя ночь. Теплый ветерок с реки приносил прохладу. В траве стрекотал неумолкающий хор кузнечиков. Вскоре казаки, усталые после длительного перехода, утомнились. Лагерь затих, только кое-где тлели недогоревшие костры да слышалась ленивая переключка дозорных.

Не спалось в эту ночь одному атаману. Разные мысли обуревали его, особенно насторожил разговор с посланником польского короля. Встреча тогда была недолгой, и разговор происходил какой-то странный — в основном, из недомолвок. Тогда шляхтич Ян Велевицкий, уклоняясь от расспросов атамана, сказал:

— В Москве в настоящее время большая смута. На престол сел Василий Шуйский. А царь Дмитрий Иванович спасся, его укрыли верные люди. Сейчас он в Самборе и собирает войско, чтобы вновь вернуться в Москву — занять свое законное место и наказать заговорщиков. Государь

ждет тебя. Ты ему сейчас очень нужен, ему необходима твоя помощь. — Посол достал из-за пазу — хи грамоту, протянул Болотникову со словами: — Отдашь только в руки государю Дмитрию Ивановичу.

Болотников взял конверт, заверил:

— Лично передам в руки царю. Служить государю будем всем нашим войском, не жалея живота своего!

Шляхтич встал и напоследок попросил:

— Поторапливайся, Иван Исаевич, ибо царь в беде. Можешь и опоздать...

Сейчас ему не спалось, на душе было пусто и смутно: государь не захотел с ним разговаривать сегодня и встречу назначил на утро. Болотников походил по шатру, затем накинул на плечи кафтан, вышел посмотреть, что происходит кругом, как несут службу дозорные.

Он спустился с пригорка к берегу реки, присел на большой камень, крепко задумался и незаметно для себя потерял связь с реальным миром. Перед глазами появилось свечение. Этот свет озарил речку, и прямо по ней, даже не касаясь ногами воды, к нему шла женщина в белой одежде. Волосы и голубой платок развевались по ветру. Глаза ее и лицо были до боли знакомы. Он еще никогда не видел таких строгих глаз. Они сияли и пронизывали его насквозь. В сознании Ивана

прозвучал ее голос, нежный, мягкий, материнский:

— Тебя ждет удача! Тебя ждет слава! Много крови русской прольет твое войско. Желая правды, ты не сможешь отстоять, чего хотел, ибо смута на Руси будет великая. Придет время, ты будешь жив, но никогда уже не увидишь пути, будешь набирать к себе в войско, но оно будет мертвое.

Иван силился встать, спросить у женщины, кто она, но руки и ноги были тяжелыми. Видение исчезло. Болотников встал, озираясь вокруг, не понимая, что же произошло: было это видение или сон.

Кругом по-прежнему стояла глухая летняя ночь: стрекотали кузнечики, фыркали лошади, которые паслись невдалеке, шеле — стели листья плакучих ив у реки.

Совершенно утомленный, в душевном смятении атаман вошел в свой шатер. Он повалился, не раздеваясь, в постель и заснул тревожным сном.

Снилась ему Мария — его трепетная любовь юности. Предстала она перед ним в черном платье, и лицом такая же юная и красивая, только ее прекрасные глаза были полны слез. Она молча смотрела на него, и от этого на душе было тоскливо и больно. Видение Марии растворилось, и ее сменила все та же женщина в белом. Она наклонилась над ним и прошептала:

— Ты, Иван, стоишь на пороге больших испытаний. То, что было у тебя раньше — уже прошлое, но то, что будет... — женщина замолчала, ее образ стал удаляться, и уже как бы издалека он услышал ее голос:

— Это твой крест! Это твой путь!

Когда образ женщины совсем удалился, он вдруг вспомнил этот родной голос, это родное лицо. Это была его мать. Он рванулся к ней, закричал: «Мама, не уходи!»

Болотников открыл глаза, по его щекам текли слезы. Он тяжело встал, выглянул из шатра. На востоке розовел рассвет. Была тишина, не чувствовалось даже дуновения ветерка. Из-за реки наплывали темные, с красным отсветом, тучи. Но вот потянул легкий ветерок, он постепенно усиливался, и тучи стали быстро наползать на небо, окрашиваясь в кроваво-красный цвет.

Иван Болотников с Михаилом Молчановым встретились после полудня. В стан казаков явились три всадника, один из них спешил и попросил его отвести к атаману. Иван Исаевич в это время находился в шатре с Митяем Беззубцевым и Федором Берсенем. Посланник царя Дмитрия, войдя в шатер, поклонился, перекрестился, затем молвил:

— Государь Дмитрий Иванович велел передать, что он ждет тебя, Иван Исаевич, для

разговора.

Казачи встали со своих мест и с любопытством стали разглядывать царского гонца.

— Федор, седлай коней и вели снарядить еще двух казаков в сопровождение, — обратился Болотников к есаулу Берсеню.

— Какого коня тебе седлать? Вороного или белого жеребца?

— Седлай белого да собирайтесь побыстрее, коли государь нас ждет.

— Все будет исполнено, атаман, как велишь! — уже на ходу крикнул Берсень.

Вскоре казаки крупной рысью подъехали к небольшому каменному дому жены Юрия Мнишека. Ворота во двор строго охранялись, но Болотников со своей свитой въехал беспре — пятственно, так как его уже ждали. Все спешили. Посланник от царя сказал:

— Сядайте, мужики, на лавочку, а я пойду доложу государю о вас.

Еще казаки не успели присесть, как посланник почти выбежал назад и заторопил:

— Заходи, Иван Исаевич, государь всея Руси Дмитрий Иванович ждет тебя!

Атаман, обращаясь к своим людям, попросил:

— Вы, ребята, посидите здесь, а я зайду к государю, если понадобится, то я вас позову, — и быстро вошел в здание.

Молчанов встречал Болотникова в просторной палате, задрапированной красным бархатом, восседая на высоком кресле, похожем на трон. На голове его сверкала дорогими камнями шапка Мономаха, в руках он неумело держал скипетр, рядом, на столе, лежали грамоты и царская печать.

Болотников поклонился царю в пояс, в волнении произнес:

— Милостивый государь всея Руси, Дмитрий Иванович! Я пришел по вашему велению и готов служить вам, не жалея жи — вотя своего!

Молчанов жестом указал атаману на лавку, обитую бархатом, со словами:

— Присаживайся, Иван Исаевич, нам с тобой надобно о многом поговорить. Вижу, что ты готов служить своему государю, даже тогда, когда мои враги лишили меня престола и вновь решили убить. Сперва это хотел сделать Годунов, а теперь Шуйский, но верные люди помогли мне избежать этой участи! Теперь я вновь набираю войско, для того чтобы вернуть престол и наказать злодеев. В городе Путивле сейчас уже собирается народ, который не хочет оставить своего государя в беде.

Пока Молчанов говорил, атаман внимательно рассматривал его, стараясь убедиться, действительно ли это царь. Царская шапка Мономаха, скипетр в руках, опять же царская печать на столе — все это внушало доверие.

Болотников подумал: «Видно, Дмитрий Иванович сильно занят государственными делами, а вот нашел же для меня время, чтобы поговорить, даже поделиться своими бедами и печальями».

— Пока войско мое только создается. Сил еще нет, чтобы идти на Москву, да и люди к нам приходят разные: это, в основном, казаки, воины городских дружин, шляхтичи. В Путивле нужен опытный полководец, который смог бы объединить все эти силы и навести порядок в моем войске. Нужен главный воевода. Я решил поставить первым воеводой тебя, Иван Исаевич. Отряд у тебя большой, казаки испытаны в боях. Я думаю, атаман, что ты не откажешь мне в моей просьбе и возьмешься за это нелегкое дело. Согласен ли ты быть моим главным воеводой? — спросил Молчанов.

Болотников улыбнулся и с готовностью ответил:

— Я и мои казаки за честь сочтем помогать государю нашему! Будем служить тебе и Российскому государству верой и правдой!

Михаил Молчанов медленно поднялся, взял со стола одну из грамот, подал в руки Ивану со словами:

— Вот тебе грамота, заверенная царской печатью, где сказано, что ты, Иван Исаевич, назначаешься главным воеводой, командующим

над всеми моими войсками. Сейчас казначей выдаст тебе деньги, для начала, на содержание войска, а там, в Москве, у тебя будет все...

Иван Болотников был несказанно рад такому доверию госу- даря. Он со своими казаками хотел просто служить истинному царю, но чтобы стать главным воеводой при армии царя, не мог и подумать даже в самых смелых мечтах, и не знал, как ему теперь благодарить царя.

Молчанов же, исподволь наблюдавший за атаманом, уловил его душевное состояние. Он взял большой серебряный крест, который лежал тут же, на столе, торжественно произнес:

— Прими присягу в верности мне и моему Российскому государству крестным целованием! В твои руки вручается моя судьба и судьба России.

Атаман встал на колени, поцеловал крест с верой в свое великое предназначение, торжественно произнес:

— Именем Господа, именем государя нашего Дмитрия Ивановича, клянусь служить верой и правдой, не жалея живота своего, до победного конца!

Молчанов подставил руку для целования, пряча хитроватую улыбку, ждал, как поступит его главный воевода.

Болотников подобострастно поцеловал руку государя.

Когда церемония по принятию присяги закончилась, Михаил Молчанов сказал:

— А теперь, главный воевода, езжай в Путивль и принимай командование над моим войском, а я до поры до времени тайно буду находиться здесь или в другом месте, ибо враги мои коварны, и может случиться все...

Царь привлек к себе атамана и троекратно расцеловал на прощание. Расчувствовавшись, по-настоящему войдя в роль царя, Михаил вытер набежавшую слезу, махнув рукой, сказал:

— Ладно, Иван Исаевич, иди... Да помни, я буду с тобой всегда рядом, буду следить за твоими успехами!

Новоиспеченный главный воевода решительно направился к выходу. Грудь его распирала радость, ему не терпелось поделиться ею со своими сподвижниками.

Теперь для него начиналась новая, тревожная, полная забот и опасностей, жизнь. Он спешил исполнять государево дело. Болотникова, только что лично от царя получившего назначение главным воеводой, ждали великие дела.

Как только атаман вышел из палаты, из боковой тайной двери появился Григорий Петрович Шаховской. Он тоже сегодня прибыл в Самбору, чтобы встретиться с Молчановым и обсудить все дела, которые они затеяли еще в Москве. Григорий

улыб — нулся, затем с восхищением сказал:

— Из тебя неплохой государь получится! Вон как ты ловко Дмитрия сыграл, даже я, стоя за дверью, и то поверил в то, что ты и есть истинный государь. Может, и вправду объявиться тебе царем?

Молчанов глубоко задумался. Лицо его было спокойное, и, казалось, он думает совсем о другом, но на самом деле в душе у него бушевали страсти, большие сомнения и в то же время желание власти, славы, но где-то глубоко в подсознании рассудительный голос твердил: «Нет! Вся эта затея опасна и обречена на провал! Лучше оставаться в тени!»

Наконец он заговорил:

— Все это хорошо, Григорий Петрович, можно сыграть роль царя, но перед теми, кто его не видел, перед такими, как атаман и его казаки. А дальше что? Допустим, мы победим и придем в Москву, а там надо садиться на престол. Скажи на милость, как я буду играть Дмитрия, когда меня там все знают? И тогда бояре натравят народ на меня. Ведь Шуйские не успокоятся, пока не захватят власть, и тогда меня ждет участь Гришки Отрепьева.

— Ну, и что мы будем делать? Народ требует от меня, чтобы я вызвал государя в Путивль. Многие не верят, думают, что опять какой-нибудь самозванец появился. Хотят, чтобы царь сам

возглавил поход на Москву. Уже столько нами сделано, чтобы создать миф о том, что государь жив и до поры до времени скрывается в надежном месте от своих врагов. И вдруг все может в одночасье рухнуть, все наши с тобой планы коту под хвост, — с сожалением сказал Григорий Петрович.

— Теперь у нас с тобой есть главный воевода с настоящей грамотой. Для народа этого пока хватит. Показывайте им грамоту, говорите, что государю еще опасно появляться к людям, так как приспешники Шуйского ищут его, чтобы убить. В нужное время государь предстанет перед народом и поведет рать на Москву, — успокоил Шаховского Молчанов.

— А вдруг в Путивле народ упрется и будет требовать появления царя? — горячился Григорий, меря шагами палату вдоль и поперек.

— Успокойся, Григорий Петрович, и присядь на лавку, послушай меня, — потребовал Молчанов, — я ведь не зря Болотникова назначил главным воеводой, дал ему грамоту и взял с него присягу. Теперь надо народу расписать так, чтобы он поверил, что государь жив и готов с ними идти на Москву. Люди на первых порах вам поверят, а там видно будет. Сейчас самое главное — народ поднять за хорошего царя, а государь на трон всегда найдется. Да не скупитесь народу на

обещания о хорошей жизни, что будет им все: и земля, и воля, и достойная жизнь. У русских людей так, старая корова всегда больше молока давала, поэтому за царем Дмитрием народ пойдет, и вновь ему будут целовать крест.

— А ты уверен, что Болотников тот человек, который нам нужен? — задал вопрос Шаховской.

— Если бы не был уверен, то и не пригласил бы его, а потом, сам подумай, он ведет за собой более десяти тысяч опытных боевых казаков. Есть в нем какая-то сила, которая притягивает к нему людей. Он знатный воин и может повести за собой народ.

— Это ты верно сказал, твоя правда, видно, что воин он добрый и, наверно, в Путивле сумеет организовать войско, — согласился с Михаилом Григорий.

— Но ты-то сам как оказался в Путивле? Что тебе поручил делать в этом городке Шуйский? — спросил Молчанов.

— После гибели Гришки Отрепьева и большой суматохи в царском дворце я выехать из Москвы не смог. На следующий день пришел на Соборную площадь и вместе с думными боярами кричал на престол царем Василия Ивановича Шуйского, а затем тут же, на площади, целовал крест, давал присягу новому госу — дарю.

— А дальше что было?

— Конечно, меня не схватили, не поволокли в Приказ тайных дел. Ведь Отрепьеву служили все: и сам Шуйский около него на пузе ползал. А потом государь всех неугодных, в том числе и меня, выслал из Москвы. Меня направил в Путивль воеводой, а Истому Пашкова — помощником. Князю-воеводе Андрею Ивано — вичу Бахтеярову-Ростовскому и Ивану Григорьевичу Ловчикову государь повелел вернуться в Москву. Мне с Истомой, выходит, ссылка — не доверяет Шуйский нам. Сейчас в Путивле правит Истома, надо спешить назад, как бы он там, горячая голова, дров не наломал. Прибыть необходимо вперед Болотникова, с честью принять твою грамоту, адресованную мне, — с улыбкой закончил Шаховской.

— Поторопись, Григорий Петрович, и сообщайте обо всем, что у вас там будет происходить, шлите гонцов.

7

Над Москвой опустилась глубокая ночь. Кругом стояла тишина и непроглядная тьма, как будто на дома и подворья навесили тяжелое черное покрывало. Было душно. Не слышалось даже ни лая собак, ни шелеста листьев на деревьях под окнами спальни Василия Шуйского.

Царь выглянул в распахнутое оконце, но ничего не мог различить, даже березок, стоящих под окном. Он взглянул на небо. Оно все было усыпано яркими звездами. Но вот на востоке появилась яркая звезда, она мчалась по бездонному небу, оста — вляя длинный светящийся хвост.

Василий Иванович перекрестился, сел к своему столу, заваленному бумагами и свитками грамот. Уже было далеко за полночь, а государю не спалось. На душе у него было беспокойно. Раньше думалось: будь он царем, мигом и просто решил бы многие государственные вопросы, а в жизни выходило далеко не так. Оказывается, в решении даже простых дел необходимо было обдумать очень многое. А вот такой вопрос, как назначение князей да бояр на должности воевод, стал для него просто головной болью. Важно было не ошибиться. Необходимо было учитывать родственные связи, знать, кто друг, кто враг или просто человек, желающий власти, который ждет момента, чтобы согнать его с престола. Положение его весьма шаткое, ничуть не лучше, чем было у Гришки Отрепьева. Уже сейчас верные ему люди доносят, что называют его меж собой бояре, такие как Ляпунов, Голицын, Романов, самоназначенцем.

Он сделал большую ошибку: торопясь захватить престол, не стал дожидаться ни избирательного Земского собора, ни народных

шествий для умоления на царство, ни наречения перед венчанием, а просто надел шапку Мономаха и взял в руки скипетр. Василий боялся потерять власть, уж очень много, как ему казалось, было претендентов на царский престол, поэтому спешил закрепить себя на троне.

Он давал в Успенском соборе присягу перед Богом в том, что без боярского приговора никто не будет осужден на смертную казнь, и, если так случится, то у невинных родственников и их семей имущества не отнимать, доносов тайных не слушать и обвинителям давать очную ставку с обвиняемым. А теперь выну — жден свое обещание нарушить: необходимо было освободиться от неугодных и услать их подальше от Москвы.

Вот уж отправлен в Путивль воеводой Григорий Шаховской. Готовы к отправке на новые должности неугодные царю Василий Масальский — в Корелу, Михаил Салтыков — в Ивангород, Богдан Вельский — в Казань, Афанасий Васильев — в Уфу, Андрей Телятевский — в Чернигов, и таких дьяков, бояр и дворян, которые были преданы самозванцу, было много. Если бы Василий Иванович знал, чем для него обернется эта ошибка со ссылкой, он никогда бы этого не сделал, но сегодня он готов был убрать всех неугодных подальше от престола, чтобы не рисковать властью.

Дверь в опочивальню царя тихо открылась. С

толстой воско — вой свечой в руке вошла молодая красавица Мария Буйносова — жена царя Василия. Тонкая ткань ночной рубашки облегла стройный стан женщины, ее густые светло-русые волосы спадали на высокую грудь. Искристые голубые глаза царицы лукаво смотрели на престарелого мужа.

Василий Иванович был маленький, некрасивый старичок с морщинистым лицом, подслеповатыми глазами. Шуйский недо — вольно нахмурил лоб, но ласково спросил:

— Что ж ты, Мариюшка, не спишь? Отдыхала бы у себя в опочивальне. А обо мне не беспокойся, у меня дел государ — ственных много. Вон бумаг сколько, все их надобно просмотреть да ответ дать.

Мария присела рядом с Василием на креслице, тихо сказала:

— Что-то тревожно у меня на душе, государь, не спится. Может, зря ты взялся царствовать-то? Я вот смотрю на тебя — ты ведь сам не свой ходишь, в лице изменился, исхудал, а у меня-то в спальне уж и забыла, когда бывал, когда целовал и голубил меня. Я сейчас часто вспоминаю, как мы раньше спокойно жили, без всяких забот. А сейчас что? Сидишь сиднем за этими бумагами, то по целому дню с боярами заседаешь, даже на обед не приходишь, не порадуешь. А раньше после обеда всегда со мной в спальне забавлялся. А сейчас

что?

Царь нежно поцеловал жену в щеку, погладив по голове, ответил:

— Ничего, Мариюшка, даст Бог, управлюсь в ближайшее время с государственными делами, тогда и отдохнем. Закатим пир на весь честной мир!

— Василий Иванович, скажи мне, какие тебя заботы одолевают? — с сочувствием спросила царица.

— Ох, Мария, Мария, не знаю, что и делать. Надобно бы убрать подальше от Москвы сторонников самозванца, особенно тех, кто хотел бы занять мое место на престоле. Да вот еще забота: казна пуста. Гришка Отрепьев все опустошил, даже корону и скипетр с печатью куда-то дели, видно, украли прохо — димцы.

— Вроде бы и правильно, что ты удаляешь неугодных от престола, но вдруг они там смуту затеют? Вот Шаховского куда услал? — перебив царя, сказала Мария.

— Воеводой — в Путивль, — в недоумении поглядев на царицу, ответил государь и осекся, даже побелел лицом.

— Вот то-то и оно, Василий Иванович, думать надо, что делаешь. Там же осиное гнездо смутьянов! Гришка оттуда начинал, а Шаховской ему был верным, как никто другой. Теперь жди, царь, бунта в Путивле, — прозорливо заметила

молодая жена, — ты бы лучше к себе побольше преданных людей прибли — жал, таких как Скопин-Шуйский. Он молод, красив, умен и родственник тебе. Вернее человека не найдешь.

От этих слов Василия как ножом по сердцу резануло. Он давно заметил, что молодая жена засматривается на его племянника Скопина, хотя поводов для ревности она царю не подавала. Михаил же с Марией и с ним был предупредительным и вежливым. Ревнивый старик стиснул зубы, сменился в лице, нахмурил брови, с раздражением в голосе сказал:

— Давай-ка, женушка, иди спать, нечего тебе соваться в мужские дела, а особенно в государственные!

Мария с обидой поджала губки, встала и направилась к выходу.

— Немедля пошли ко мне спальника Игнатия, — уже спокойно попросил царь.

— Хорошо, государь, — ответила молодая жена, в сердцах хло — пнув дверью.

Вскоре в спальню к Шуйскому явился Игнатий, с заспанным и недовольным лицом, спросил:

— Что изволите, государь?

Василий протянул в руки Игнатию грамоту со словами:

— Немедленно шли гонца с этой грамотой к

воеводе Шахов — скому в Путивль, пусть князь срочно возвращается в Москву.

После ухода спальника Василий Иванович долго не мог успокоиться. Он совершенно потерял душевное равновесие, в голову даже не шли мысли о государственных делах. Ревнивый старик не мог выносить, когда его жена говорила о Михаиле Скопине-Шуйском, когда хвалила его и восхищалась его делами, богатырской красотой.

Царь часто размышлял о своем племяннике Михаиле. В пятнадцать лет тот находился уже на государевой службе в должности жильца при царе Борисе Годунове, отличался спокойным тихим нравом, не лез в придворные интриги. Его больше привлекало чтение книг о военных подвигах полко — водцев.

Придя к власти, Лжедмитрий сразу же заметил видного юношу с большими, светящимися умом глазами. Вскоре Михаил получил боярский чин и специальную для него должность великого мечника. На торжественных приемах Скопин должен был стоять у царского трона с обнаженным государевым мечом. А когда к власти пришел Василий Шуйский, стал служить верой и правдой новому государю.

Радоваться бы царю Василию, что у него на службе такой верный и умный сторонник, но алчная и завистливая душонка старика не могла

вынести Скопина. Василия в нем раздражало все: и богатырская стать, и ум, и уважение к нему людей, которое тот уже снискал за свою добропорядочность. А когда Шуйский видел, что Мария, его красавица-жена, только находилась рядом или, не дай Бог, разговаривала с Михаилом, то он терял покой. Тогда его раздражало все, он не находил себе места.

Умом он понимал, что все притязания к племяннику беспочвенны, а вот душа его не принимала. Видимо, осознавая свою дряхлость, невозможность дать своей молодой жене то, что дал бы ей в любовных утехах молодой супруг, Василий завидовал здоровью и красоте Скопина. В нем он почему-то видел соперника во всем. Он хотел бы быть таким же здоровым, красивым, умным и спокойным, но, увы, был неказист, дряхл, и его удел — завидовать и ненавидеть. Была бы его воля, он сегодня же услад бы этого юнца воевать куда-нибудь подальше, в Сибирь. Но за какие провинности? Что люди скажут? Своего племянника даже не пожалел. А как же клятва, которую давал в Успенском соборе? Ведь его же никто за язык не тянул, а теперь своим обещанием перед Богом и честным народом он связал себя по рукам и ногам.

Настроение заниматься бумагами у царя пропало. Он заметался по спальне, хватая грамоты,

пытаясь вникнуть в их содержание, но не мог сосредоточиться. Его подслеповатые глаза слезились, руки от волнения тряслись, в голову лезли всякие мысли: «И как я толком не подумал, что назначил воеводой в Путивль князя Шаховского, самого ближнего сторонника Гришки Отрепьева! Вот, сволочь, как втерся ко мне в доверие, острог по нему плачет, а я его воеводой назначил! Ох, подлец! Чует мое сердце, смуту там затевает! И как я не продумал? — корил себя Шуйский, — ну да ладно, может все обойдется. Вернется Шахов — ской, а там поглядим, что с ним делать».

Василий в сердцах резко смахнул со стола грамоты, которые шли царю со всех концов Российского государства. Их необходимо было читать и по каждой принимать меры или хотя бы отписать. Нужно было себя утверждать, показать свою власть, дать всем понять, что царь в государстве — Василий, а никто другой, и это должны были уяснить его друзья и враги в каждом уголке России, поэтому пока он не хотел доверить отвечать на грамоты никому. Он должен был разобраться во всем этом хаосе сам.

Кое-где в его царстве еще считали, что по-прежнему у власти Лжедмитрий. В других же местах его власть не признавали, боялись возврата времен Бориса Годунова. Везде смута, везде

неповиновение. Особенно после того, как прошел слух, будто царь Дмитрий жив и спасся от Шуйского. Другие считали его полуцарем, а некоторые и вовсе называли самоизбранцем.

Василию не на кого было опереться в своих делах, кроме родственников. Других бояр он подозревал в том, что они претендуют на престол. Отступить, отказаться от власти он не мог, слишком уж долго он к этому шел. Сколько интриг пришлось плести завистливому старику, жаждущему власти, чтобы стать царем. И вот теперь, как в наказание, как в расплату за содеянное, на него свалились все несчастья. И этого следовало ожидать, ибо до него все царствующие особы только пользовались властью для собственной наживы и утверждения, не давая взамен ничего ни государству, ни народу, которым они неумело и расточительно правили. Теперь настало время жестокого искупления.

Люди устали от таких правителей и хотели установить другую власть, другого государя, готовы были идти за любым хорошим царем, который дал бы им землю, волю, возможность спокойно и мирно трудиться. Но властолюбцы никогда и никому не давали покоя, им необходимо было самоутвердиться любым путем, они затевали дворцовые перевороты, интриги, репрессии или посылали народ на бойню, чтобы доказать миру

свою силу, умудряясь ничего не давать взамен людям, за счет которых они жили. Одним из таких правителей был самовыдвиженец, новоявленный царь Василий Иванович Шуйский, правдами и неправдами добившийся российского престола.

Немного успокоившись, Василий Иванович решил посетить опочивальню Марии, надеясь на ласки жены и ее добрые успокоительные слова. Взяв золотой подсвечник с толстой восковой свечой, он двинулся к молодой жене.

В спальне царицы стоял аромат благовоний, которые ей привезли заморские купцы по заказу. В высоких серебряных подсвечниках горело несколько свечей, их мерцающий свет создавал в помещении полумрак. Царица возлежала на высоких пуховых подушках, чуть прикрыв свое стройное нагое тело одеялом из лебяжьего пуха. Молодая женщина не спала и, когда увидела низенькую сгорбленную фигуру престарелого мужа, подумала: «Может, сегодня от него будет какой-то толк? Уж и забыла с его государственными делами, когда он меня ласкал. Хоть и вправду к Скопину Михаилу обращайся, чтобы помог своему дядюшке справиться с женой».

Василий присел к Марии на кровать, погладив ее по мягким волосам, молвил:

— Не обижайся на меня, любушка, что сегодня с тобой был неласков. Больно одолели меня

государственные заботы. После самозванца трудно выправить государственные дела.

Мария обхватила горячими руками голову царя, привлекла к себе и, поцеловав его в щеку, прошептала:

— Да ну их, эти государственные дела! Завтра ими займешься со своими думными боярами. Разве о государственных делах надобно, батюшка, говорить с молодой женой в спальне!.. — И, лукаво улыбнувшись, потянула Василия на себя: — А то я уж и забыла, есть ли у меня муж.

Василия Ивановича как будто окатили горячей водой, лицо его все запылало, кровь ударила в виски. Полетели в сторону быстро снятые царские одеяния. Престарелый муж оказался в горячих объятиях жены. Он прильнул к красивой груди Марии, стал целовать ее в губы, в шею, осыпать поцелуями прекрасное тело молодой красавицы.

Мария трепетала, прижималась к мужу, страстно постанывая, шептала ему на ухо ласковые слова.

Разгоряченный похотью, старик пустил слюну на шею супруги, попытался выполнить супружеские обязанности, но ничего у него не получалось. Царица еще больше зажигалась страстью, жалась к Василию, но все было бесполезно. Старик, весь в поту, медленно

отвалился от жены. Мария повернулась спиной к супругу и зашла в рыданиях.

— Что ты, что ты, Мариюшка! Зачем так убиваться по пустякам. Сегодня не получилось, в другой раз получится, — успокаивал супругу царь.

— А если это навсегда, и ты впрямь не сможешь со мной совладать, что ж тогда я буду делать? Это, наверно, игуменья Марфа тебя чем-нибудь опоила. Недаром последнее время ты с ней часто беседы с глазу на глаз проводишь.

— Дурища ты, Мария! Беседа у меня с Марфой Нагой одна, чтобы она при всем честном народе раскаялась за то, что в Гришке Отрепьеве признала своего сына. Племянник мой, Скопин Михаил, ее уговаривает по моему поручению, чтобы она на мощах Дмитрия, которые отыскались и будут выставлены в Архангельском соборе, принародно заявила, что эти мощи Дмитрия, и Гришка Отрепьев не ее сын.

— А поверят ли люди в это? — с сомнением спросила Мария. — Ведь Марфа уже принародно не раз клялась об истинном ее сыне, и все был обман.

— Поверят! — с уверенностью ответил Василий. — Я сделаю так, чтобы поверили. Давай-ка, любушка, лучше спать будем, а то у меня завтра хлопотный день, опять боярскую Думу собираю.

Супруг повернулся на бок и вскоре захрапел с

присвистом, оставив молодую жену с невеселыми мыслями о несостоявшейся любовной ночи.

8

К Путивлю казацкий отряд во главе с Болотниковым подошел уже к вечеру, в город казаки входить не стали, а остановились на берегу реки Сейм, на одном из притоков Десны. Стоял тихий погожий вечер. Река спокойно несла свои воды, течение ее было медленным, и на первый взгляд казалось, что она стоит на месте. В зеркальной глади воды отражался розовый закат. Длинные тени от деревьев легли на прибрежные поляны, усыпанные полевыми цветами. Стоял духмяный аромат трав и мяты. Воздух был напоен свежестью.

Казаки быстро установили атаману шатер на самом высоком месте, зажгли костры, стали готовить пищу. Устраивались каждый по-своему: кто-то строил шалаш, иной под телегой, а большинство располагались прямо у костра, под открытым небом.

Иван Исаевич со своими ближними казаками: Дмитрием Беззубцевым, Федором Берсенем, Григорием Елизаровым, Алек — сеем Нагибой — обсуждали последние события своей поход — ной жизни.

— А что, Иван Исаевич, в город-то мы сразу не вошли? — поинтересовался Федор Берсень.

— И вправду, может, надо было сразу входить в город и устраиваться там? — подхватил Елизаров Григорий, могучий казак с черной копной густых волос на голове, с кустистыми бровями, с массивной челюстью, живыми серыми глазами.

Все повернулись в сторону атамана, ожидая, что он ответит.

Иван Исаевич улыбнулся и степенно стал объяснять:

— Посмотрите, какой сегодня теплый вечер. Пусть казачки спокойно отдохнут, приведут себя в порядок, поедят до отвала. Я велел всем нашим ребятам налить по чарке доброго вина. С завтрашнего дня у них начнется беспокойная жизнь. Они будут нести нелегкую службу государю Дмитрию и России. А потом, что толку, если бы мы сразу вошли в город. Во-первых, мы не знаем, что там сейчас происходит: есть ли враги, и кто наши сторонники. Поэтому пока не разведаем, что и как, в Путивль ни ногой, пусть воевода Шаховской к нам пожалует. Встретимся с ним — все обсудим: где нам лучше стать лагерем, много ли войска в городе, кто держит сторону царя Дмитрия, а то, может, придется и сабелькой помахать? Вы вперед батьки в пекло не лезьте, придет время, все узнаете.

Не успел Болотников закончить свою речь,

как в шатер быстро вошел казак Тереха, держа в руке свиток бумаги, и обра — тился к атаману:

— Иван Исаевич, из города прискакал гонец с грамотой. Велено тебе вручить, — и протянул послание атаману.

Болотников взял свиток, развернул его, пробежал глазами, улыбнулся, радостно сообщил всем присутствующим:

— Меня приглашает к себе путиловский воевода на встречу. Хочет, ребята, со мной обсудить наши дальнейшие совместные действия! Что, казаки, будем делать? Будем встречаться с Григорием Петровичем Шаховским?

— А когда изволит встречаться с нами воевода? — немного ерничая, спросил Федор Берсень.

— Сейчас же просит подъехать к Приказной палате, где он нас уже ожидает. Настаивает явиться безотлагательно, — еще раз поглядев на грамоту, добавил атаман.

— Что-то воевода путиловский заспешил, никак не мог дожждаться завтрашнего дня. Дал бы хоть после дороги отдохнуть казакам, а там бы уж начали служить царю и отечеству, — посмеиваясь, встрял в разговор Алексей Нагиба.

— Видно, есть необходимость в срочной встрече, раз торопит, — пояснил атаман и добавил: — Надо, казаки, ехать; может, помощь нужна.

— Бери сотню казаков, — посоветовал Берсень, — а то мало ли...

Иван Исаевич, улыбнувшись, ответил:

— Сотню, конечно, не возьму, а вот человек двадцать матерых казаков снаряжай да побыстрее. Время не ждет, коли Шаховской срочно просит встретиться...

Уже начало темнеть, когда казаки подъехали к броду реки Сейм. Здесь она была значительно шире, виднелись перекааты и валуны больших камней; на берегу, под ивами, расположилось около десятка казаков, посланных путиловским воеводой для встречи с Иваном Болотниковым.

От воды пахло сыростью и рыбой. Течение было медленным, и можно было спокойно переправляться на другой берег. Брод местами был глубокий, и путники изрядно промокли. Но переправа прошла благополучно. На другом берегу всадники спешили, привели себя в порядок и продолжили свой путь к Приказной палате города Путивля.

Вскоре они подъехали к зданию из красного кирпича. Болотникова сразу же проводили к воеводам — Григорию Шаховскому и Истому Пашкову.

Уже был накрыт стол с закусками и напитками. Как только атаман вошел, князь Григорий встал и учтиво пригласил Ивана Исаевича

отужинать, усадил его в высокое кресло, обитое крас — ным бархатом, со словами:

— Присаживайтесь, атаман, за стол. Знаю, что с дороги, но дела не терпят промедления. Давайте перекусим, а там и поговорим о делах наших насущных.

Иван Исаевич, еще не садясь за стол, протянул князю Шаховскому грамоту, которую ему выдал царь Дмитрий.

Шаховской и Истома переглянулись, князь чуть заметно улыбнулся, сразу же пробежал глазами содержание, которое, естественно, знал.

Все это не ускользнуло от внимания Болотникова, но он не придавал особого значения их поведению.

Григорий Петрович отложил бумаги в сторону и торже — ственно произнес:

— Давайте же выпьем за нового главного воеводу, которого назначил наш государь Дмитрий Иванович.

— Как это главным воеводой? — с удивлением, подняв бровь, спросил Истома. Он схватил грамоту и стал внимательно читать.

— Так захотел государь, ему виднее. Теперь всеми его вой — сками будет командовать Иван Исаевич.

Истома, с неприязнью взглянув на атамана, подумал: «Поглядим, как будет воеводить этот

выскачка, хватит ли ему на это сноровки». Затем, внимательно всмотревшись в добродушное улыбающееся лицо главного воеводы, предупредил:

— Трудно тебе будет, Иван Исаевич. Войска-то, в общем, никакого нет. Разный сброд со всей России-матушки здесь собрался, каждый норовит быть сам по себе. Никаких воевод, начальников не признают. Все сами себе воеводы. Народ разрозненный: в основном, холопы, черное крестьянство, мелкие посадские людишки, казаки, стрельцы и разные служилые люди. Это все мелкие отряды или одиночки — искатели приключений. Тебе, атаман, их придется объединить и создать войско, способное привести царя Дмитрия снова на престол.

Тут в разговор вмешался Шаховской, пояснил Истоме:

— У Ивана Исаевича свой отряд в десять тысяч казаков, закаленных в боях с турками. Я думаю, что ему не так сложно будет привести в порядок весь этот народ и создать войско от имени истинного царя Дмитрия. Завтра утром всех жителей города, а также служилых стрельцов приведем к присяге и крестному целованию царю Дмитрию. Поэтому мы вызвали тебя сюда, не теряя времени. Я боюсь, как бы не завязалась бойня в городе. А чтобы этого не вышло, нужна сила. Сегодня к утру твои люди должны войти в город.

Придется вам, казачки, потрудиться и ночь не поспать, чтобы потом не иметь забот.

Болотников молча выслушал князя, затем спросил:

— А что? Видно, не все согласны присягать царю Дмитрию? Или есть люди, которые против истинного царя?

— Есть, Иван Исаевич, это люди старого воеводы, Андрея Ивановича Бахтеярова-Ростовского, Ивана Григорьевича Ловчи — кова да городского головы Петра Денисовича Юшкова, которые не согласятся давать присягу царю Дмитрию. Утром, как только весь народ соберется на площади, перед Приказной палатой, вот тут-то твои казачки и пригодятся. Надобно взять площадь в кольцо, чтобы потом никто не смог уйти, и связать наших противников по рукам и ногам. А народ нас поддержит, люди так и ждут, как бы спровадить из города всех приспешников Шуйского.

Шаховской вдруг спохватился:

— Что это я заговорил о делах, а закуски простывают, вино киснет в кубках, давайте откушаем, воеводы, а то разговоров у нас будет много, за ночь не переговорить, а время не ждет.

Все уселись поудобней на своих местах, и трапеза началась, Князь Григорий поднял кубок и торжественно произнес:

— Пьем, братья мои, за здоровье царя Дмитрия и наше дело, которое задумали мы ради него!

Все дружно выпили терпкое вино и сосредоточились на закусках. Шаховской облюбовал гуся, запеченного в яблоках, Истома за обе щеки уплетал молодого поросенка, запивая резкими медами. Болотников придвинул блюдо с жареной белой рыбой, ел вприкуску с душистым, недавно испеченным хлебом. От его запаха на него повеяло детством, чем-то родным и знакомым. Вспомнились теплые руки матери, ее голубые ласковые глаза и слова, которые он не забудет никогда: «Ванечка, родной, любимый мой сыночек, ешь...» — и протягивала ему кружку парного молока со свежееиспеченным хлебом.

— Иван Исаевич, Иван Исаевич, о чем ты так крепко задумался? Что ты предлагаешь? Как нам поступить?

— А что думать-то? Вы и так все сами продумали. Придется сегодня ночью вести своих казаков в город. Хоть и устали мои ребята, но буду поднимать.

— Я уж вам и место для лагеря выбрал. Там и устроитесь. Есть там пустующие строения, загон для лошадей, два колодца с чистой водой. А потом, долго сидеть на месте вам не придется — надобно возвращать государя в Москву.

Утро на этот раз выдалось пасмурное. Серые тучки низко плыли над городком. Путивль просыпался, в подворьях кричали петухи. Бабы выгоняли со двора подоенных коров. У колодца собралась группа женщин, они живо обсуждали последние события.

Мария Белоногова, в голубом платке на голове, с толстой русой косой до самого пояса, красивая, статная, рассказывала любопытным женщинам:

— Ох, бабоньки, всю-то ноченьку сегодня не спала!

— Это что ж так? Али казачка какого пригрела? Вот он, видно, спать тебе и не давал.

— Да ну ты, Алена! Тебе только про мужиков говорить Я, бабенки, про другое вам хочу рассказать.

— А про што ж еще-то? — спросила Евдокия, вытаскивая ведро из колодца.

— А вот што, — снизив голос почти до шепота, поведала Мария, — всю-то ноченьку в город входили казаки. Их шло так много! Тьма-тьмущая, все верхами на добрых конях, а сейчас они на площади, перед приказной палатой. И народ туда же идет. Не знаю, бабоньки, што опять

будет.

— Все говорят, будто крестное целование государю Дмитрию будет на площади, — встряла в разговор пожилая женщина, беря на плечо коромысло с ведрами.

— Бабы! Пошли побыстрее на площадь! Что там творится, бабоньки! Столько казаков, всю площадь окружили! А народ туда валит! — возбужденно сообщила Евдокия и, подвязав потуже платок на голове, почти бегом заспешила на площадь.

Женщины на какое-то время примолкли, потом, не сговариваясь, тоже заспешили к приказной палате, оставив у колодца одиноко стоящие ведра.

На площади, действительно, собралось множество разного люда. Огромная толпа бурлила и волновалась. Никто толком не знал, что происходит, зачем собралось столько народу. Все спрашивали друг друга, томясь неизвестностью.

Вот рыжебородый холоп, сажень в плечах, с увесистой дуби — ной в руках, громко спрашивает у казака с черными вислыми усами и в бараньей шапке с красным верхом:

— А скажи, казачок, чего народ-то собрался? И откуда столько казаков нашло в город? Может, настоящий царь Дмитрий явился? Что сказывают люди-то? — сыпал вопросами рыжебородый.

Казак покрутил головой, пытаясь разглядеть кого-то в толпе, и ответил:

— Говорят, будто сегодня в войско царское набирать будут для похода на Москву, чтобы восстановить справедливость и возвести на престол настоящего царя.

Холоп поморщился и ответил казаку:

— Царь, говорят, не настоящий, а самозванец.

— Этот настоящий, а самозванца, говорят, убили и на костре сожгли, а этот — самый что ни есть настоящий. Может, сейчас появится перед нами. Вот все и ждут.

— Да неужто правда?! Самый настоящий царь появится! Дай-то, Господи, хоть одним глазочком на настоящего царя поглядеть! — с сомнением восклицал мужик и стал продвигаться поближе к крыльцу, чтобы не пропустить самое интересное и все видеть своими глазами.

На крыльцо Приказной палаты вышли воеводы: Григорий Петрович Шаховской, Иван Исаевич Болотников, Истома Михеевич Пашков, Андрей Иванович Бахтеяров-Ростовский, Иван Григорьевич Ловчиков и городской голова Петр Денисович Юшков.

Люди на площади успокоились, смолкли выкрики, притихли даже самые говорливые. Все ждали, что будет дальше. Вперед вышел князь Шаховской и обратился к народу: